ЭЛЬЯС БАЗНА
ЛЮДВИГ МОЙЗИШ

ИСКУССТВО РАЗВЕДКИ

КАМЕРДИНЕР ШЕЛЛЕНБЕРГА

ОПЕРАЦИЯ «ЦИЦЕРОН»

История немецкого агента «Цицерон», которого на Западе считают величайшим шпионом Второй мировой войны.

Людвиг Карл Мойзиш
Эльяс Базна
Сергей Вадимович Чертопруд

Камердинер Шелленберга. Операция «Цицерон»

Серия «Искусство разведки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74610116
Камердинер Шелленберга. Операция «Цицерон» / С. В. Чертопруд, авт.-сост.: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-324-5

Аннотация

В 1943 году Эльяс Базна был нанят в качестве камердинера британского посла в Турции Хью Кнатчбулл-Хьюгессеном. Он фотографировал британские документы, находившиеся в распоряжении хозяина, и продавал их немецкой разведке (руководитель Вальтер Шелленберг), через атташе Людвига Карла Мойзиша в рамках операции «Цицерон».

Базна передавал важную информацию о конференциях лидеров союзников, в т. ч. Московской, Тегеранской и Каирской. Он также передал документ с наивысшим уровнем секретности (список BIGOT) об операции «Оверлорд» (кодовое название

высадки в Нормандии в июне 1944 года). Если бы в Берлине поверили в это сообщение, то операция «Оверлорд» была бы сорвана.

На Западе считается, что информация, которую слил «Цицерон», была одной из самых опасных утечек, произошедших во время Второй мировой войны.

Содержание

Вальтер Шелленберг. Вместо предисловия. «Цицерон»[1] 6
Эльяс Базна. «Я был Цицероном» 20
Как была написана эта книга 20
1 24
2 48
3 68
4 91
5 109
Конец ознакомительного фрагмента. 130

Эльяс Базна, Людвиг Карл Мойзиш Камердинер Шелленберга. Операция «Цицерон»

© Чертопруд С. В., авт. – сост., 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Вальтер Шелленберг. Вместо предисловия. «Цицерон»[1]

Было утро 28 октября 1943 года, когда мне неожиданно позвонил советник министерства иностранных дел Г. Вагнер и попросил срочно встретиться с ним. Он сказал, что речь идет о крайне важном деле. В разговоре со мной он сообщил о телеграмме нашего посла фон Папена, в которой говорилось, что человек, служащий камердинером у английского посла в Анкаре сэра Кнэтчбулл-Хьюгессена предлагает нам фотокопии строго секретных документов английского посольства, требуя уплатить за них немедленно не менее двадцати тысяч фунтов стерлингов. Он обещает после первоначальных сведений представить и последующую информацию, желая получать за каждую очередную серию по пятнадцати тысяч фунтов стерлингов. Риббентроп, сказал советник, хочет узнать мое мнение на этот счет, поскольку предприятие это весьма рискованное и целиком относится к области разведки.

Названная сумма была огромной. Но я полагал, что сумею разобраться, опираясь на накопленный опыт, даст нам что-нибудь эта сделка или нет. У меня было ощущение, что есть

---

[1] Фрагмент книги Вальтера Шелленберга «Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика». – М., 1991.

смысл согласиться на это предложение, тем более что передача «товара» из рук в руки гарантировала известную безопасность. Я подумал, что необходимо будет перед выплатой вознаграждения быстро проверить полученные документы. Кроме того, я учел и то, что к событию в Анкаре наверняка имеет отношение наш умный и опытный сотрудник Мойзиш, что было достаточной гарантией надежности. Взвесив все эти обстоятельства, я посоветовал принять предложение и посоветовал переправить деньги в Турцию через специального курьера разведки.

Риббентроп согласился и проинформировал о принятом решении фон Папена по телеграфу. На следующий день в Анкару было послано двадцать тысяч фунтов стерлингов. Я напряженно ожидал первого сообщения Мойзиша, которое пришло через три дня.

Он сообщал, что человек, сделавший нам предложение, которого звали Пьер, раньше служил при посланнике Йенке в Анкаре. Однажды вечером он явился к Йенке. Посланник, учитывая возможность провокации со стороны вражеской разведки, не захотел как дипломат беседовать с ним и, несмотря на поздний час, вызвал к себе Мойзиша. Затем шло описание внешности камердинера: это человек среднего роста, с бледным лицом, с запавшими черными глазами, который, несмотря на свою замкнутость и молчаливость, производит впечатление решительного и целеустремленного человека. На заданные ему вопросы он отвечает немногослов-

но, но точно.

Мойзиш оказался в двойственном положении – с одной стороны, его тянуло вступить в игру, с другой – затребованная сумма была так велика, что превосходила возможности его личных валютных фондов. Поскольку Пьер назначил трехдневный срок для ответа – в противном случае, как о том свидетельствовал жест, сделанный им в направлении русского посольства, обратился бы по иному адресу, – Мойзиш решил проинформировать посла, чтобы получить быстрый ответ из Берлина, из министерства иностранных дел.

При передаче материала – это были еще не проявленные пленки – Мойзиш сумел молниеносно проверить его. От того, что он увидел, у него буквально перехватило дыхание. Из первой серии фотокопий было видно, что заснята была на самом деле секретнейшая корреспонденция между английским посольством в Анкаре и Форин-офис[2] в Лондоне. Кроме того, имелись фотокопии и рукописных заметок английского посла, касавшихся развития англо-турецких и англо-русских отношений. Особое значение представлял полный список товаров и военных материалов, направленных по закону о ленд-лизе из США в Россию в 1942–1943 годах, а также предварительный информационный доклад английского министерства иностранных дел о результатах конференции министров иностранных дел, проходившей в Москве с участие Корделла Хэлла, Идена и Молотова.

---

[2] Министерство иностранных дел Англии. – *Прим. ред.*

Прежде всего я сделал следующее:

1. Попросил Гиммлера срочно представить Гитлеру полученные сведения (при этом я воздержался от подробностей относительно происхождения и подлинности документов).

2. Я обратился к генералу Тиле из верховного командования вермахта с просьбой незамедлительно заняться расшифровкой английского шифра на основе полученных документов. (Четыре лучших специалиста по дешифровке в Германии, в том числе два профессора математики, несколько недель подряд работали над документами, пока им удалось разгадать часть шифра. Это позволило нам узнать время передач и технические подробности передачи телеграмм из Лондона в Анкару.)

3. Своим сотрудникам я поручил на основе специальных документов собрать все за и против подлинности полученных сведений, чтобы я мог ответить Гитлеру на вопрос о надежности источника.

4. Я связался со статс-секретарем фон Штеенграхтом из министерства иностранных дел и сообщил ему о принятых мной мерах. Мы пришли к единому мнению, что этим должна по-прежнему заниматься политическая разведка.

Документы, которые были нам предоставлены впоследствии, исследовались с точки зрения следующих пунктов: результаты переговоров между Рузвельтом, Черчиллем и Чан Кайши в Каире в ноябре-декабре 1943 года; визиты президента Турции Исмета Мнёню и его генерального секрета-

ря по иностранным делам Нумана Меменчиоглу к Рузвельту и Черчиллю; отчеты о конференции с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране с 28 ноября по 2 декабря 1943 года; результаты совещания начальников генеральных штабов союзников в Тегеране относительно операции «Оверлорд» и прекращения операции «Меркурий»; заявление об усилении воздушных налетов на Балканы.

В сообщении о переговорах в Каире особое удивление вызвало обещание Рузвельта Чан Кайши вернуть Китаю Северную Маньчжурию после поражения Японии. (Это противоречило позиции, занятой американским президентом на Ялтинской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 года; Рузвельт, действуя в обход Чан Кайши, согласился предоставить русским маньчжурскую железную дорогу и порты Порт-Артур и Дайрен[3] как плату за вступление в войну против Японии.)

С большой степенью вероятности изучение документов позволяло предполагать, что Черчиллю не удалось отстоять свой первоначальный план вторжения в Европу через Балканы. После тегеранской конференции было ясно, что в Польше, Румынии, Югославии и Венгрии действия Красной Армии не будут связаны противодействием западных держав. Относительно Польши Сталин потребовал отодвинуть русскую границу западнее, до бывшей линии Керзона, и одновременно включить в состав Польши часть Восточной Гер-

[3] Дальний. – *Прим. ред.*

мании.

Тогда же мы получили от своего человека в польском движении Сопротивления, которому незадолго до этого удалось разгадать дипломатический шифр польского эмигрантского правительства в Лондоне, сведения о содержании переговоров, которые вел глава этого правительства Миколайчик со Сталиным. Миколайчик вылетал из Лондона через Стокгольм в Москву и передавал сообщения о результатах переговоров в Лондон по телеграфу.

В отношении Германии Сталин якобы заявил следующее: Германия будет сохранена, но ее необходимо ослабить, лишив ее двадцати-тридцати миллионов населения. Тогда в ближайшие пятьдесят лет Советскому Союзу и Польше нечего будет опасаться германской агрессии. Это позволит России спокойно залечивать раны, нанесенные войной.

Уже первое впечатление от сообщений о московской конференции министров иностранных дел 18–30 октября 1943 года и от заявления Сталина совпало в общих чертах с настораживающими сведениями, полученными мною по другим каналам. Перед моими глазами вырисовывалась ужасная судьба Германии. Меня охватил такой страх, что я сразу же воспользовался возможностью, предоставившейся мне благодаря содействию д-ра Керстена, чтобы встретиться с пребывавшим в то время в Швеции специальным уполномоченным президента Рузвельта по европейским вопросам мистером Абрагамом Стивенсом Хьюиттом.

Соблюдая все меры предосторожности, я встретился с ним в номере стокгольмского отеля, где он жил; там мы в течение трех дней вели откровенный обмен мнениями по проблеме компромиссного мира. Вернувшись в Берлин, я тут же составил меморандум об этих переговорах, который хотел представить Гиммлеру. В то время он находился в Мюнхене. Когда я сообщил ему о своих встречах с Хьюиттом, он, придя в ужас от моего самоуправства, первое мгновение только молча хватал воздух ртом. Затем его обуял такой гнев, что я счел за благо переждать, пока он выдохнется, и отложить чтение меморандума на более подходящее время. На следующий день, когда я вновь попытался убедить его в необходимости предпринятого мной шага, он слушал меня уже более спокойно, но мне так и не удалось развеять чары, которыми Гитлер околдовал в Мюнхене своих приближенных.

Тем временем из Стамбула поступила радиограмма, в которой Мойзиш сообщал, что должен явиться к Риббентропу с докладом. Так как с Балкан в Германию отправлялся попутным рейсом наш самолет, я поручил Мойзишу пересесть в Софии на него, чтобы я смог побеседовать с ним до приезда в Берлин. Мойзиш сообщил мне устно дальнейшие подробности о Цицероне, как окрестил камердинера фон Папен за содержательность его политической информации. Сначала, рассказывал Мойзиш, Цицероном двигала исключительно жажда мести. Его отец, живший во время первой мировой войны в Константинополе, попал из-за своей дочери, сестры

Цицерона, в неприятную историю и был расстрелян англичанами. Позднее он иначе рассказывал об обстоятельствах смерти своего отца: его якобы застрелил на охоте в Албании один англичанин. Все это, а также заверения Цицерона о том, что он не говорит ни слова по-английски – вскоре выяснилось обратное, – заставляло сильно сомневаться в правдивости этого человека и требовало особой осторожности в отношениях с ним, но, как я считал, не снижало ценности материалов и не давало повода не верить в их подлинность.

Мы с Мойзишем еще раз обсудили некоторые технические детали. Я предложил незамедлительно послать в Берлин пленки, полученные от Цицерона, чтобы изготовить в нашем техническом отделе необходимое число фотокопий для всех инстанций, заинтересованных в этой информации.

Важнейшие фотокопии я передал статс-секретарю фон Штеенграхту, который под руководством посланника Альтенбурга создал специальную комиссию по изучению полученных материалов. Одновременно Гиммлер представил все материалы Гитлеру. В этот момент Риббентроп обратился к Гитлеру с жалобой на то, что политическая разведка утаила от него часть документов. Но статс-секретарь Штеенграхт, к которому обратились за объяснениями, сообщил, что документы, не попавшие якобы к Риббентропу, уже много дней валяются нетронутыми в одном из сейфов министерства иностранных дел.

Гитлер скептически отнесся к подлинности документов.

Он постоянно требовал от нас узнать, кем был на самом деле камердинер английского посла. Мойзиш, не желавший осложнять свои отношения с Цицероном выяснением дальнейших подробностей его биографии, ограничился при случае расспросами, которые не дали результата. Желая рассеять недоверие Гитлера в этом второстепенном вопросе, я поручил своей специальной организации в Стамбуле, о которой уже говорил, разузнать все о Цицероне. Довольно скоро мне сообщили и настоящее имя Цицерона. Но я не хотел бы его называть сейчас, так как, насколько мне известно, Цицерон жив до сих пор.

Меры, предпринятые Гитлером после ознакомления его с документами, носили, как и следовало опасаться, отрицательный характер. Он полагал, что как раз теперь он должен вести тотальную войну с полным напряжением всех сил, отбросив малейшие колебания. Гиммлера же наши документы привели в явное замешательство. Незадолго перед рождеством он вызвал меня к себе и сказал: «Я понимаю, что что-то надо делать». Я не верил своим ушам, слушая его слова: «Не прерывайте связи с Хьюиттом. Не можете ли вы сообщить ему, что я готов встретиться с ним?»

Поступить так было, действительно, самое время, ибо теперь на нас сыпались удары со всех сторон. Кроме того, последние документы, переданные нам Цицероном, ясно свидетельствовали о том, что нейтралитет Турции является лишь вопросом времени. Постепенный переход турец-

кой дипломатии в лагерь союзников происходил в полном соответствии с тем, как представлял себе это в одном из своих «проектов» сэр Кнэтчбулл-Хьюгессен, направленных им в Форин-офис, – сначала соблюдение нейтралитета с одновременным сосредоточением турецких войск во Фракии с целью связать немецкие дивизии в Болгарии, затем получение во все большем объеме военной помощи от западных союзников и, наконец, открытие переговоров представителей генеральных штабов. Как сообщалось в документах Цицерона, датой окончания всех этих мероприятий было назначено 15 мая 1944 года – она была приурочена к началу операции «Оверлорд». Итак, с 15 мая 1944 года приходилось рассчитывать на непредвиденные случайности и на Юге, и на Западе.

(Если бы планы Черчилля не потерпели краха в декабре 1943 года в Тегеране, встретив сопротивление Сталина и Рузвельта, если бы он отстоял свой план «Меркурий», предусматривавший вторжение в Европу на Балканах, война кончилась бы быстрее. Балканы в то время представляли собой перезревший плод, готовый упасть при первом толчке, наступление в этом направлении позволило бы нашим противникам разрушить юго-восточный фланг немецких армий.)

В соответствии с «расписанием» Цицерона – в известной степени в качестве компенсации за отклоненный план Черчилля – с середины января 1944 года начались бомбардировки важных транспортных объектов и нефтяных заводов опе-

ративными соединениями авиации западных держав. Первой жертвой их была столица Болгарии. Документы сообщали об этой запланированной бомбардировке как о неоспоримом факте, поэтому мы своевременно предупредили Софию. Но в то время немецкое командование уже не могло организовать сильной противовоздушной обороны силами истребительной авиации в этом районе. Зенитная артиллерия была слишком слабой и по известным причинам должна была быть сосредоточена для защиты нефтяных месторождений в Румынии и заводов по производству авиационного бензина в Чехословакии.

С документами Цицерона, похороненными в сейфе, министерство иностранных дел село в калошу. Гитлер запретил даже информировать посла фон Папена о вновь поступающих материалах Цицерона. Мы с Гиммлером обсудили это распоряжение и решили смягчить его, дав указание Мойзишу информировать фон Папена, как и прежде, обо всем, что касается германо-турецких отношений. При этом мы нашли формулировку, позволявшую Мойзишу, человеку очень обходительному, сохранить добрые отношения, сложившиеся между ним и фон Папеном.

Тем временем наша техническая оснащенность в Анкаре была настолько усовершенствована, что и Мойзиш, и Цицерон располагали новейшим оборудованием. Но в конце года надежность Цицерона и достоверность его материалов были подвергнуты испытаниям. На одной пленке в кадр попа-

ли два пальца – безымянный и средний. Так как Цицерон до этого постоянно утверждал, что имеет многолетний опыт фотографирования и работает в одиночку, по ночам, когда английский посол спит, наше недоверие было оправданным. Цицерон подробно изобразил нам, как он принимается за работу: поскольку он обслуживает своего хозяина вплоть до того момента, когда тот уходит спать, он, как только посол, приняв снотворное, задремлет, достает у него из кармана пиджака ключ от сейфа, открывает сейф и в течение десяти минут фотографирует документы, находящиеся в красной или черной кожаной папке. Ничьих подозрений не вызывает тот факт, что камердинер, обязанный чистить и гладить костюмы своего господина, задерживается ночами на некоторое время в квартире посла.

Но как попали его собственные пальцы в кадр? Один из экспертов в области фото, к которому обратились за консультацией, сказал, что при данных обстоятельствах исключено, чтобы человек мог одной рукой держать документы, а другой навести объектив «Лейки» на фотографируемый объект и нажать на затвор. Даже при помощи штатива и при условии, что расстояние до объекта остается неизменным, немыслимо, чтобы человек выполнил такую работу в одиночку. Приходилось допустить, что Цицерон держал фотоаппарат в зубах или придерживал его подбородком, или пользовался посторонней помощью. Сам я не придавал технической стороне вопроса решающего значения – помогал ли

кто-нибудь Цицерону или нет, важно для меня было одно – подлинность документов.

Чтобы облегчить Цицерону ночную работу, один из наших сотрудников, разбиравшихся в технике, предложил поручить ему сделать восковой слепок ключа от сейфа. Воск, размягчающийся от тепла руки, следовало использовать так, чтобы ни на сейфе, ни на ключе не оставить никаких следов, могущих вызвать подозрения.

Тщательно упакованный в двух коробочках, чуть больше спичечного коробка, воск, снабженный технической инструкцией, был отправлен в Анкару. Коробочки были выложены ватой, чтобы содержимое их могло невредимым вернуться в Берлин. Вскоре у нас в руках оказался слепок, а затем и копия ключа, изготовленная мастером-ремесленником. Цицерон, как сообщал Мойзиш, радовался как ребенок, потому что новый ключ действовал легче и тише оригинала. Теперь он мог работать и в отсутствие посла, спокойнее и увереннее.

Когда в январе 1944 года Цицерон начал поставлять малоценную, а иногда и вообще не нужную информацию, например, сообщения о сделках в иностранной валюте и тому подобное, я продолжал в отношении его придерживаться прежней, установленной вместе с Мойзишем линии, но про себя решил: впредь, для облегчения бремени, отягощающего казну, платить Цицерону фальшивыми банкнотами. В общей сложности ему выплатили сто пятьдесят тысяч фунтов

стерлингов настоящими ассигнациями и сто пятьдесят тысяч фунтов фальшивыми. Но от этого Цицерон нисколько не пострадал, так как на Балканах и на Ближнем Востоке эти банкноты принимались всеми банками как настоящие.

В феврале-марте 1944 года Цицерон, не дав каких-либо объяснений, внезапно прекратил свою деятельность. В августе 1944 года Турция разорвала отношения с Германией и перешла в лагерь союзников[4].

[4] История с Цицероном еще долго заставляла меня размышлять над случившимся; при этом невольно напрашивалась мысль о том, что Цицерон на самом деле работал не в одиночку, а с помощниками. Я готов был предположить, что такую помощь оказывали турки, чтобы предупредить Германию и увести ее с рокового пути, ведущего к полной катастрофе. Политические интересы Турции в результате непосредственной передачи такой информации Германии не страдали, наоборот, турки достигали благодаря этому двойной цели: своевременно указывали немецкому правительству на безнадежность его положения и толкали его на заключение компромиссного мира с Западом; в то же время в случае неудачи такого компромисса они как бы подготавливали Германию к мысли о необходимости перехода Турции в лагерь союзников (для защиты от Советов, в то время чрезмерно усилившихся). – *Прим. авт.*

Эльяс Базна. «Я был Цицероном»

Как была написана эта книга

Он сказал мне по телефону на довольно плохом английском языке, что зовут его Эльяс Базна, что он бизнесмен из Стамбула и не кто иной, как Цицерон – знаменитый шпион времен второй мировой войны. Мы договорились встретиться в Мюнхене в гостинице «Фир Яресцейтен».

Войдя в вестибюль гостиницы, я увидел пожилого лысого полного человека небольшого роста с задумчивыми глазами. Он смотрел на девушку, которая направлялась к выходу. «Как много в Мюнхене красивых девушек!» – обратился он ко мне (на этот раз на французском языке).

Вначале мы говорили о разных не относящихся к делу вещах. Как я узнал, Базне нравится сидеть в вестибюле гостиницы и смотреть на ее обитателей. Потом я спросил его, действительно ли он тот самый Цицерон.

Базна сидел, развалившись в кресле, и беззаботно поглядывал по сторонам, но, когда услышал мой вопрос, глаза его засверкали, сам он выпрямился и посмотрел на меня пронизывающим взглядом. Его явно возмутило то, что я не доверял ему. Только его глаза, тогда и позже, позволяли угадать в нем опасного человека.

Он положил на стол обычную зеленую ученическую тетрадь.

– Это моя жизнь, – вызывающе и решительно проговорил он, словно отвергая мой скептицизм.

Я заметил, что человек никогда не лжет и не приукрашивает правду, когда рассказывает о своем жизненном пути. В ответ он бросил на меня острый взгляд. Затем выражение его лица неожиданно изменилось – и он широко улыбнулся. Теперь передо мной был остроумный собеседник, стремящийся только к одному: заключить выгодную сделку. Улыбаясь, он заметил:

– Вы безусловно правы. Но в этой тетради я сделал из себя героя и даже патриота. – Он подморгнул одним глазом. – Как и каждый человек, я очень большого мнения о себе.

Он раскрыл мне все свои карты и не сделал ни одной попытки что-либо скрыть от меня. В исповеди этого человека я увидел неподдельное тщеславие, какой-то тайный страх и сумасбродное стремление к праздности и роскоши.

Я спросил его, почему вдруг после долгих лет молчания он решил продать свой дневник.

– Мне нужны деньги, – ответил он. – Я хочу начать дело против правительства ФРГ. Германия должна мне деньги. Германский рейх бессовестно обманул меня. Я хочу получить от федерального правительства компенсацию за те фальшивые деньги, которые немцы давали мне, когда я шпионил для них.

(Если он действительно попытается получить компенсацию за те фальшивые английские банкноты, которые выдавались ему в качестве вознаграждения за его шпионаж в пользу Германии во время войны, это дело наверняка протянется бесконечно из-за его упрямства. Но об этом речь пойдет позже.)

В его памяти были явные провалы. И это объяснимо. Ведь со времени его приключений прошло семнадцать лет.

Но он всегда был готов подсказать, где можно получить необходимую справку, чтобы восполнить тот или иной пробел. Два журналиста – Ганс Шварц из Мюнхена и Томас Бейл из Голливуда – потратили месяцы на проверку и уточнение всего того, что рассказал Базна. Третий журналист – Герберт Кауфолд из Мюнхена – проверил те моменты из его воспоминаний, в которых он в какой-то степени сомневался из-за давности описываемых событий.

И наконец, последняя деталь, которая требовала подтверждения, – это подлинность человека, назвавшего себя Цицероном. С этой целью мы обратились к господину Мойзишу, с которым Базна был связан. В настоящее время Мойзиш живет в Инсбруке.

Очная ставка состоялась. Это было какое-то очень странное свидание, холодное и формальное. Партнеры по такому необычному делу мало что могли сказать друг другу. И все же господин Мойзиш явился недостающим звеном в цепи. Он подтвердил, что Эльяс Базна в самом деле был нашумев-

шим на весь мир Цицероном.

Мюнхен, февраль 1962 года
Ганс Ногли

* * *

1

«Дейли экспресс», 30 января 1950 года.

> *«В бельгийской газете рассказывается поразительная история о том, как в 1943 году немцы добыли очень важные военные секреты союзников, заплатив за это 300 000 фунтов стерлингов камердинеру сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессена, английского посла в Турции. Так гитлеровцы узнали о решениях Московской и Касабланкской конференций, о массированных налетах бомбардировочной авиации союзников, о планах вторжения союзных войск в Европу. Немцы также завладели ключом к английскому дипломатическому коду».*

Да, все это именно так и было. И человеком, который продал эту информацию немцам, был я, Эльяс Базна.

Англичане всячески старались замолчать мою деятельность, но они не смогли опровергнуть факты.

Протокольная запись заседания парламента «Хэнсард» 478.2023-4 (18 октября 1950 года):

> *«Мистер Шеперд обратился к министру иностранных дел с запросом по поводу сообщений о том, что совершенно секретные документы, включая документы, касающиеся операции „Оверлорд“, были украдены из нашего посольства в Турции и*

переданы немцам. Мистер Шеперд спросил, было ли проведено расследование по данному делу, каковы его результаты и какие меры приняты для того, чтобы предотвратить повторение подобных случаев.

Мистер Бевин ответил, что никакие документы фактически не были украдены во время войны из посольства его королевского величества. Но следствие по делу показало, что камердинер посла сфотографировал в посольстве несколько секретных документов особой важности и продал пленку немцам. Он не смог бы сделать этого, если бы посол соблюдал существующие правила хранения секретных документов. После этого случая всем тем, кого это касалось, были направлены новые инструкции и приняты прочие меры с целью предотвратить повторение подобных случаев.

Мистер Шеперд заметил, что заявление, опубликованное в книге по этому вопросу, вызвало большое беспокойство в нашем обществе. И если планы, касающиеся операции „Оверлорд", фактически не были украдены, то почему в таком случае министерство иностранных дел не опубликовало опровержения этого заявления?

Мистер Бевин снова подчеркнул, что документы не были украдены. Их сфотографировали, а это в конечном итоге одно и то же».

Конечно, это одно и то же, и именно благодаря этому банкноты стоимостью в 300 000 фунтов стерлингов оказа-

лись тщательно разложенными под ковром в моей комнате в здании английского посольства в Анкаре. Каждый раз, ступая на них, я злорадствовал и продолжал играть роль верного слуги английского посла сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессена.

Мне пришлось пройти долгий путь, прежде чем эти деньги оказались у меня в руках. Отец мой, Гафиз Язар, преподаватель ислама и хозяин двух клочков земли, был благочестивый, богобоязненный человек. «Ты слишком рассчитываешь на свое счастье», – всегда говорил он, беспокоясь за мою судьбу.

Фамильная гордость значила для нас очень много, и мы жили в отраженном свете славы моего деда, о котором любил рассказывать мой отец. Во времена Оттоманской империи дед был пашой и известен как Тахир-паша Храбрый. Сейчас это звучит смешно, но в те времена это имя произносилось с почтением и даже благоговением.

Из Пристины (там я родился), находящейся в двухстах двадцати пяти километрах от Белграда, на теперешней автомагистрали, ведущей в Скопле, мы переехали в Салоники, где жили неподалеку от места рождения Кемаля Ататюрка. Мой дядя, генерал-майор Кемаль, воевал вместе с Ататюрком.

Позднее мы переехали в Стамбул. Оттоманская империя сокращалась, и поэтому периодически нам приходилось менять свое местожительство.

Пристина отошла к Югославии, а Салоники – к Греции.

С каждым переездом отец терял и деньги и имущество. Он мог управлять хозяйством, но не умел делать деньги. Он был преподавателем ислама, но не бизнесменом.

– Почему наша жизнь не становится лучше? – время от времени спрашивал я его.

– Внешнее благополучие – не самое главное в жизни, – обычно отвечал он мне.

Я принимал это как мнение старого человека с отжившими взглядами.

Меня послали в военную школу в Фатихе, где я оказался среди юношей знатных фамилий. Конечно, я был белой вороной, и через некоторое время отцу предложили взять меня обратно.

Многие из моих бывших школьных товарищей занимают сейчас в Турции руководящие посты. Брат мой учился в Германии, три моих кузена достигли высокого положения в финансовом мире, а теперешний мэр Анкары – мой родственник.

Ни обстановка того времени, ни моя семья не виноваты в том, что я пошел по такому пути. Это я сам свернул от предначертанного мне судьбой.

После первой мировой войны Турцию оккупировали войска итальянской, французской и английской армий. Я поступил на работу во французскую транспортную часть, научился водить машину, и скоро езда на машине стала моей страстью.

Как-то на своем грузовике я свалился в канаву и разбил его. Это лишило меня работы у французов. Тогда я нанялся на работу к англичанам и стал возить английского капитана. За рулем я чувствовал себя выше моих сверстников, которые были студентами или учились какому-то ремеслу.

Однажды французский офицер оставил свой мотоцикл у нашего дома. Разве французы и англичане не были врагами Турции? Разве свести с ними счеты не было похвально? Я вскочил на мотоцикл и понесся на нем, как сумасшедший, в город. Вдруг я оказался на улице, которая круто спускалась вниз и, как и многие улицы Стамбула, неожиданно заканчивалась ступеньками и тупиком. Перевернувшись несколько раз, я вдребезги разбил мотоцикл и только чудом уцелел сам, хотя был весь изранен и окровавлен. В таком виде меня подобрал турецкий полицейский, который передал меня французам, а те в свою очередь – англичанам, у которых я тогда работал. Меня сильно избили, а затем посадили в военную тюрьму.

За мою непокорность в тюрьме меня снова били. Но действительно ли я так сильно ненавидел англичан и французов? На самом деле мне это только казалось, и ненавидел я не их, а порядок и дисциплину. Однажды сержант повел меня из подвала наверх и велел вымыть пол. Я выхватил у него пистолет, заставил открыть дверь и убежал.

Менее чем через час меня снова схватили, на этот раз французы, которые отвели меня в жандармский участок в

районе Бабнали. Ночью я попросил отвести меня в туалет. Оттуда через окно я выскочил на улицу и убежал. Днем бродил по окрестностям Стамбула, считая себя мятежником, хотя в действительности был не более чем девятнадцатилетним хвастуном и правонарушителем.

Увидев на платформе железнодорожной станции Еникапи французского солдата, спавшего на лавке, я вытащил у него из кобуры револьвер, и на следующий день меня снова арестовали.

Список моих преступлений рос: воровство, поломка военного имущества, вооруженный побег из тюрьмы, незаконное хранение оружия… В моем деле уже тогда указывалось, что я являюсь опасным и неисправимым преступником.

Меня посадили в одиночную камеру и заковали в кандалы. И я даже гордился этим.

Французский военно-полевой суд приговорил меня к трем годам тюремного заключения. Меня перевезли в Марсель и направили в лагерь, где работали каторжники. Там мне удалось овладеть французским языком, за что впоследствии я получил похвалу от английского посла.

Англия и Франция заключили договор с новым турецким правительством, в котором, наряду с другими статьями, имелся пункт, касающийся осужденных ими турецких граждан. Благодаря этому вскоре меня досрочно выпустили на свободу.

В Марселе я устроился на работу в мастерских торго-

во-транспортной фирмы. Там впервые в своей жизни научился чему-то полезному – слесарному делу.

В то время в Турции был большой спрос на квалифицированных рабочих, и мне посчастливилось получить работу в транспортном отделе Стамбульского муниципалитета. Затем я стал начальником пожарной команды и (глупец!) даже гордился этим. Вскоре меня призвали на военную службу, и я стал шофером у Али Сайт Паши, инспектора первой турецкой группы армий.

Затем я решил стать независимым. Одна или две успешные сделки – и взятые в долг у отца деньги позволили мне купить старый «студебеккер» и стать водителем собственного такси. Но из этого предприятия у меня ничего не вышло, и я был рад, когда югославский посол Янкович взял меня на работу в качестве личного шофера.

Так я стал тем, кем становится каждый, кто ничему не научился и не имеет ничего, кроме головы, – кавасом.

Итак, кавас Эльяс Базна. В Турции каждый, кто служит у иностранца, называется кавасом. Личный кавас посла – его камердинер. Есть также кавасы, убирающие помещения, кавасы-портье, кавасы-шоферы и кавасы-курьеры. Кавас – никто и ничто, и это всегда вызывало во мне чувство негодования.

Я был кавасом у Янковича, у полковника Класса из американского посольства, у советника немецкого посольства господина Енке, у первого секретаря английского посольства

мистера Баска и, наконец, у сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессена.

Разве они были не правы, считая меня незначительным человеком неопределенного происхождения?

Помню, я задавал себе этот вопрос в апреле 1943 года, когда сидел в вестибюле гостиницы «Анкара Палас». Он был обставлен старомодными столиками и неудобными креслами. Пол под ногами страшно скрипел. И все же эта гостиница была лучшей в городе. Я находил ее самым приятным местом для отдыха. В свободные часы я заказывал там черный кофе и ликер, читал иностранные газеты. Официанты обращались со мной, как с джентльменом.

То, что можно назвать переломным моментом в моей жизни, произошло в этом самом вестибюле. В этот день я проанализировал всю свою жизнь, и от этих размышлений у меня остался довольно неприятный осадок. Мне было тридцать восемь лет. Вся дальнейшая жизнь представлялась мне продолжением скучной, глупой, презренной жизни каваса.

Горькие воспоминания! В руках у меня была газета, но я никак не мог сосредоточиться, чтобы понять, о чем идет речь в статье, которая была перед глазами. Я понял, что нахожусь в стороне от настоящей жизни и пытаюсь обмануть самого, себя. Я задавал себе всё новые и новые вопросы, и ответы на них заставляли меня презирать себя еще больше.

Почему я стал кавасом? Да потому, что мог только возиться с машинами. Когда я работал шофером у Янковича, югославского посла, у меня еще был луч надежды, но и он ис-

чез. Янкович много пил. Когда он напивался, обходился со мной по-дружески. «Эльяс, – говорил он, – я слышал, как ты поёшь, когда моешь машину. У тебя чудесный голос. Ты должен учиться петь». И я начал заниматься музыкой. Она стала моим утешением.

Женился. Любил ли я жену? Не знаю. Я мусульманин и воспитан в соответствии со старыми традициями, которых все еще придерживаются у нас в провинции. Женщина по турецким обычаям должна только работать и рожать детей, и в этом ее единственное предназначение. Я был безразличен к жене, но любил своих детей и часто сам фотографировал их. Как-то показал эти фотографии Янковичу. Он похвалил меня. Конечно, тогда я не знал, что умение хорошо фотографировать едва не станет средством осуществления давнишней мечты моей.

У югославского посла я проработал семь лет. Одновременно учился петь, мечтая стать знаменитым певцом, и по-прежнему увлекался фотографированием.

Когда мне показалось, что я уже добился больших успехов в учебе и настала пора выступить перед аудиторией, бросил работу. Но мой концерт во французском клубе в Стамбуле кончился полным провалом. Песни великих европейских композиторов не произвели впечатления на моих соотечественников.

И снова я стал кавасом. На этот раз у американского военного атташе полковника Класса. Это позволило мне позна-

комиться с различными сторонами деятельности дипломатического корпуса. Именно здесь меня научили, как ходить по скользкому паркету. Класс был хорошим семьянином. Его жена, молодая и красивая женщина, играла в покер и занималась садоводством. Со мной она держалась просто, но для нее я был только кавасом. Испугавшись своих чувств к жене Класса и боясь в один прекрасный день потерять из-за этого работу, я решил уйти сам.

Вскоре мне удалось устроиться в дом к советнику немецкого посольства Енке, жена которого была сестрой Риббентропа. В личной резиденции господина Енке я работал с 1942 по 1943 год. Без всяких угрызений совести стал тайком интересоваться перепиской хозяина, личной и служебной. А стоит раз влезть в чужие дела – и это становится страстью. Сфотографировал одно или два письма с одной-единственной целью – похвастать перед женой, показать ей, насколько свободно я себя чувствовал в доме Енке, несмотря на войну. С этой же целью я сфотографировал себя в гостиной Енке в его отсутствие на диване с газетой в руках. Показывая жене эту фотографию, я говорил ей, что мне хочется иметь такую же гостиную.

Однажды я заметил, что в моем чемодане все перевернуто, будто в нем что-то искали. Может быть, обнаружилось, что я тайно читал переписку хозяина, и меня приняли за шпиона?

Вскоре господин Енке сказал мне, что, к сожалению, дол-

жен меня уволить: больше не может позволять себе держать личного слугу. При этом он был очень вежлив. Я был подавлен. Очевидно, меня приняли за шпиона. Разве я не выполнял свою работу добросовестно? Когда я пришел к Енке, я весил 76 килограммов, а когда меня уволили, во мне было всего 64 килограмма.

Итак, однажды после полудня в апреле 1943 года, сидя в вестибюле гостиницы «Анкара Палас», я подводил итог своей жизни. Я был человеком, способным лишь выполнять приказания других. Человеком, который мыл машины, подавал коктейли, готовил ванны для привлекательных женщин, читал переписку хозяина и мог быть моментально уволен. Невеселая картина.

Но, пожалуй, если бы я не опустился так низко, моя судьба никогда не изменилась бы. Неожиданно из глубины всего этого мрака молнией блеснула светлая мысль.

Эта мысль вывела меня из горьких размышлений. Почему бы моим диким мечтам не осуществиться? Почему немцы подозревали меня? Да потому, что Анкара была тем нейтральным местом, где представители великих враждующих держав жили рядом, непрерывно следя друг за другом.

Почему бы мне не стать шпионом? Эта мысль не выходила у меня из головы. Я решил стать великим шпионом, почувствовав, что, как незаметный, замкнутый и терпеливый кавас, обладаю всеми необходимыми для этого качествами.

Судьба сама указывала мне путь. Как-то в газете я отыс-

кал нечто такое, на что раньше не обращал внимания. Это было объявление о том, что первому секретарю английского посольства требуется шофер.

Из вестибюля гостиницы «Анкара Палас» я вышел сильно возбужденным.

Тщательно просмотрев свои рекомендации, я выбрал две – югославского посла и американского военного атташе. Блестящую рекомендацию, которую дал мне советник немецкого посольства, я решил не брать. В военное время она наверняка показалась бы англичанину подозрительной.

Дом, упомянутый в объявлении, находился на территории посольства в холмистом районе Канкайя и прятался в большом красивом саду. К выходу спускалась узкая тропинка. В стороне стоял шевроле с номером английского посольства. На заднем сиденье машины лежал портфель с документами: первый секретарь английского посольства, вероятно, был беззаботный человек. Я позвонил.

Служанка провела меня в комнату, где мне пришлось долго ждать. Теперь сэр Дуглас Баск – английский посол в Венесуэле. Когда он был первым секретарем в Анкаре, его еще не возвели в рыцарское звание.

Когда мистер Баск вошел в комнату, я почтительно поднялся. Это был высокий и, как мне показалось, довольно деликатный человек. Он посмотрел на меня холодным оценивающим взглядом.

– Итак, вы хотите получить эту работу?

– Да, месье, – ответил я по-французски.

– Вы не говорите по-английски?

– Читаю и неплохо понимаю.

После этого он говорил со мной по-французски.

– Вы знаете какие-нибудь другие языки? – спросил Баск и жестом предложил мне сесть, но я подождал, пока он сел сам.

Я ответил ему, что кроме турецкого и французского могу говорить на сербохорватском, немного по-гречески и по-немецки.

– Рекомендации?

У него, видимо, была манера говорить очень кратко. Он представлял собой тип человека, с которым я легко мог поссориться, если бы был в состоянии позволить себе это.

Я молча протянул ему свои рекомендации.

– Где вы могли так великолепно изучить французский язык?

Я рассказал ему, что еще молодым человеком жил в Марселе, где работал в мастерских транспортно-коммерческой фирмы. Это было только частью правды. На самом деле французским языком я овладел, когда был в тюрьме. Мистер Баск внимательно прочитал мои рекомендации.

– Итак, вы опытный шофер?

– Да.

Он встал.

– Подойдите сюда, пожалуйста.

Я пошел за ним к столу в углу комнаты. Он протянул мне ручку и указал на чернила и бумагу.

– Напишите что-нибудь.

– По-французски?

– Как хотите.

«Меня зовут Эльяс Базна. Я родился 28 июня 1904 года в Пристине. В то время Пристина была частью Оттоманской империи. Отец мой, Галиф Язар, был преподавателем ислама. Во время балканских войн, когда мы, турки, были изгнаны из Албании и Македонии, моя семья эмигрировала в Константинополь…»

Это было началом моей биографии, которую мне приходилось рассказывать всякий раз при поступлении на работу.

– Я хотел только узнать, умеете ли вы писать, – сказал мистер Баск.

– Да, месье.

Он взял исписанный мной лист бумаги и подошел с ним к окну. Долго и внимательно изучал мой почерк.

– Неплохо.

Я слегка поклонился.

– Я буду называть вас просто Эльяс, – сказал он. Из этих слов я заключил, что принят на работу.

– Помимо обязанностей шофера вы должны будете выполнять различные поручения по хозяйству.

– Могу я узнать, сколько вы будете платить мне, месье? –

спросил я.

– Сто турецких лир в месяц, – ответил он. Это было очень мало.

– Очень благодарен вам, месье, – вежливо сказал я.

На следующий день я поселился в отведенной для меня комнатке. Я убирал комнаты в доме Баска, чистил его одежду и следил за исправностью отопительной системы. Нередко мне приходилось и прислуживать за столом, когда в доме бывали гости. К тому же я, конечно, был личным шофером хозяина.

Мистер Баск был очень энергичный, трудолюбивый человек. Он приносил домой из посольства документы и по вечерам работал с ними.

Вскоре мне удалось узнать, где он хранил их. Однажды Баска неожиданно вызвали на службу, и он, вероятно в спешке, сунул документы, которые читал, в ящик письменного стола, намереваясь запереть его на ключ. Как правило, он был очень аккуратен в таких делах, но на этот раз его что-то отвлекло и он забыл запереть стол. Обычно, когда мистера Баска не было дома, я заходил в его кабинет, чтобы посмотреть, не оставил ли он случайно чего-нибудь. В этот раз я машинально дернул ящик стола – и, к моему удивлению, он открылся. Там лежали документы. Я быстро сунул их под пиджак. Едва я успел это сделать, как в комнату вошел мистер Баск.

– Не звонили из Стамбула? – спросил он. (В то время мис-

сис Баск находилась в американском госпитале в Стамбуле, ожидая ребенка.)

– Нет, месье. – Я позволил себе улыбнуться: – Понимаю вас, месье. Я ведь отец четверых детей. Это всегда очень…

Он не заметил моего сочувствия.

– Вы закончили ремонт центрального отопления?

– Нет еще, месье.

– Надеюсь, это не займет много времени?

– Нет, месье, – ответил я.

Я спустился в подвал, где была установлена отопительная система, и внимательно прочел документы.

Я никогда не интересовался политикой. Моя прежняя работа каваса сделала меня безразличным к сильным людям, которые входили в посольства и выходили из них. В конце концов, это были только люди. Но когда события развивались неблагоприятно, они старались сделать все, чтобы это никак не отразилось на них.

Я ударил по трубе молотком, и звук удара разнесся по дому. Теперь никто не мог подумать, что я не работаю.

Я разложил документы перед собой. Это были телеграммы, отправленные и полученные английским посольством. Они дали мне ясное представление о том, в какую игру была вовлечена Турция.

Я читал высказывания Черчилля. По его мнению, не было никакого сомнения в том, что Турция хочет быть в числе победителей, и в том, что союзники выиграют эту войну, Чер-

чилль не сомневался. Но турки все еще боятся немцев и не хотят вступать в войну. Поэтому, дескать, нужно приложить все усилия к тому, чтобы убедить Турцию вступить в войну следующей весной.

Такова была точка зрения Черчилля. Я с ожесточением несколько раз ударил по трубе. Черчилль, конечно, мог предвидеть, как будут развиваться мировые события. У меня же была одна перспектива – валяться в грязном окопе.

Союзники хотели (я узнал это также из документов), чтобы турки построили для них на своей территории ряд аэродромов. В Турцию должен был хлынуть поток оружия и военных материалов. «Следует подобрать специалистов, которые научили бы турок пользоваться оружием и боевой техникой».

Для начала, подумал я, было бы неплохо, если бы они прислали слесаря-водопроводчика, чтобы первый секретарь английского посольства не полагался в этом деле на такого невежду, как я.

Я узнал о планах открытия пути в Черное море для прямого сообщения с русскими на их южном фланге. Румынские нефтеносные районы могли подвергнуться ожесточенной бомбардировке с аэродромов в Турции, и тогда добыча нефти в Плоешти была бы поставлена под угрозу.

Я отложил чтение планов союзников в Турции и закончил ремонт отопительной системы. Затем прочел документ, касающийся конференции в Адане. Черчилль в течение двух

дней в специальном вагоне вел переговоры с турецким президентом Иненю. Конечно, совершенно секретно. Из этого документа явствовало, что русские одерживали над немцами одну победу за другой, а союзники успешно действовали против немцев в Африке. Но вот что (так сказал Черчилль президенту Иненю) угрожало Турции. Немцы придерживались своей традиционной политики «Дранг нах Остен». Они вынуждены защищать свои источники снабжения нефтью и поэтому могут решиться на вторжение в Турцию, которая поэтому должна быть вооружена и готова защищать себя. Я также прочитал ответ президента Иненю. Он говорил о политической обстановке, которая, по его мнению, могла сложиться в мире после войны.

Начитавшись всех этих документов, я пришел к выводу, что для нас, турок, было бы плохо оказаться вовлеченными в эту войну в качестве партнеров англичан или же в качестве жертвы немцев. Несколько минут я напряженно думал, как мне поступить. Если я передам английские планы немцам, то последние смогут упредить союзников, не тратя сил и средств на вторжение в Турцию, а Турция, увидев, что действия англичан упреждены немцами, не решится вступить в войну на стороне союзников. Таким образом, я мог бы помочь своей стране сохранить нейтралитет.

Я собрал инструменты, спрятал документы под полой пиджака и почувствовал себя непризнанным центром мира, находящегося в состоянии войны.

Я поднялся наверх. Мистер Баск вышел из кабинета. Он посмотрел на меня – и я почувствовал, как сильно бьется мое сердце. С трудом заставил я себя скрыть волнение и сказал:

– Отопительная система в порядке…

Он не дал мне закончить фразу:

– Мне только что позвонили из Стамбула. Можете поздравить меня с дочкой.

Я поклонился и, улыбнувшись, сказал:

– Разрешите сердечно поздравить вас, месье.

Он кивнул и стремительно куда-то ушел. Я вошел в его кабинет и положил документы туда, откуда взял.

В течение последующих нескольких недель для мистера Баска существовала только одна женщина. Это была его дочь, только что родившаяся в Стамбуле. Меня же заинтересовала няня, привезенная миссис Баск в Анкару вместе с ребенком.

Няню звали Марой. Ей было немногим больше тридцати. Стройная, черноволосая. Мне казалось, что в ней сочетаются лучшие качества женщин нескольких национальностей. Светло-голубые глаза шведки; чувственный рот заставлял вспомнить юг Франции, а нежные руки с тонкими пальцами, грациозность движений были как у женщин Бухареста. Определить ее происхождение было трудно. Со временем я обнаружил, что она много курила и пила виски. Когда она пила, ее смех был веселым и заразительным, белые зубы сверкали, а голос выдавал ее неразборчивость и явную

склонность к приключениям. В ней было что-то напоминающее о ветре и море. Возможно, это передалось по наследству от какого-нибудь американского моряка и ее матери.

Я был женат и имел к этому времени четверых детей. Жена с детьми жила в Стамбуле. Я посылал ей деньги и старался не думать о ней. В конце концов мне удалось забыть ее. Конечно, с моей стороны это было безобразно, но скоро мне все стало безразлично – я влюбился в Мару и жил в сказочном мире.

Когда я в первый раз увидел Мару, ее глаза были полны тоски и печали. Однажды я подслушал, как миссис Баск говорила мужу, что Мара, по всей вероятности, останется у них еще некоторое время. Совсем недавно была расторгнута ее помолвка, и она очень переживала это.

Миссис Баск сказала это своему мужу, когда я сервировал чай, а мистер Баск задумчиво смотрел на ребенка, лежащего в кроватке. Мистер и миссис Баск считали, что я плохо знаю английский язык, и потому при мне часто говорили о своих делах по-английски. Я улыбнулся ребенку, пошевелил двумя пальцами, играя с ним, и вышел.

Я пошел к Маре.

– Могу я чем-нибудь помочь вам? Кто вас обидел? – спросил я ее.

Она вопросительно посмотрела на меня:

– С чего вы это взяли?

– Я ничего не знаю, но чувствую, что вы несчастны.

Через некоторое время мне стало ясно, что в доме Баска я не смогу получить того, что хотел. Моей целью было проникнуть в посольство. Кавасы всех посольств в Анкаре знали, что посол Англии сэр Хью Нэтчбулл-Хьюгессен ищет камердинера. Но заполучить это место было не так-то просто. Я решил, что лучший способ добиться этого места – получить рекомендацию для его превосходительства от его же первого секретаря – мистера Баска. Это, конечно, намного лучше, чем самому обращаться к послу.

Мы с Марой договорились встретиться в небольшом парке между Канкайей и Кавaклидере.

Здесь я был впервые, но почему-то решил солгать.

– Как здесь хорошо! Я часто прихожу сюда. Люблю одиночество.

Я умышленно смотрел не на Мару, а на деревья и кустарники, которые были мне совершенно безразличны.

– Вы любите природу? – спросила она с какой-то нежностью в голосе.

Я не ответил, так как думал о своих дальнейших шагах.

Немного погодя она сказала:

– Вы считаете, что я несчастна.

– Если вы думаете о человеке, который оставил вас, забудьте его, – тихим голосом проговорил я. – Вы должны прежде всего взять себя в руки.

Я рассказал ей, что когда-то здесь были виноградники. Поэтому-то самое распространенное турецкое вино до сих

пор называется Каваклидере, хотя теперь, как можно заметить, здесь нет виноградных лоз на мили вокруг.

Эти сведения я почерпнул из прейскуранта вин в гостинице «Анкара Палас».

– Как много вы знаете!

Я кисло улыбнулся:

– Все, что я сейчас знаю, это то, что собираюсь подать мистеру Баску заявление об уходе.

Она с изумлением посмотрела на меня:

– Почему? Баск ведь очень доволен вами.

– Из-за вас, – холодно ответил я.

Она не знала, как реагировать на мои слова, но глаза ее уже не были такими печальными.

– Я не понимаю вас.

– Не беспокойтесь обо мне. Я должен покинуть вас. Мне нужно идти. Простите меня.

Я ушел, даже не взглянув на нее.

Мара по натуре своей была нетерпелива. Следующим же вечером она настояла на коротком свидании «в нашем парке». Вначале я отказался, но потом позволил уговорить себя. По ее глазам я увидел, что она поняла меня так, как я хотел.

Мы сели на скамейку.

– Почему вы хотите уйти?

– Вы же знаете.

– Нет, я не знаю.

– Каждая женщина понимает такие вещи без слов.

– Я не понимаю вас.

Я рассказал ей, что женат, что полюбил ее с первого взгляда.

– Вы пережили несчастную любовь, – продолжал я, – поэтому вам легче понять, почему я не должен стоять на вашем пути.

Наши руки сплелись, и я обнял Мару. Мы заверили друг друга, что будем сдерживать свои чувства и решили больше не встречаться. Но мы уже были под властью любви.

– Мара, вы неправильно поняли меня, – заметил я. Она кивнула и положила голову мне на плечо.

– Есть одна возможность.

– Какая?

– Я не могу жить в одном доме с вами. Но посол ищет камердинера. Почему бы вам откровенно не поговорить с миссис Баск? Почему бы вам не сказать ей, что и вы и я не хотим сделать друг друга несчастными? Она поймет. А мистер Баск, может быть, порекомендует меня послу.

– Тогда мы могли бы изредка встречаться, – проговорила Мара.

– Вы считаете, что это было бы правильно? – спросил я.

Мара обняла меня и поцеловала.

– Я поговорю с миссис Баск, – прошептала она.

Я чувствовал, что мой уход устраивал мистера Баска. В последнее время он очень бережно расходовал деньги и явно сомневался, что поступил правильно, взяв слугу. Отопи-

тельная система была отремонтирована, и всю работу по дому могла выполнять женщина, труд которой гораздо дешевле.

Через несколько дней он спросил меня, хочу ли я стать камердинером посла.

– Я был бы счастлив получить это место, месье, – ответил я.

– Сэр Хью, конечно, сам будет решать. Он хочет вас видеть. Через полчаса вы пойдете со мной в посольство.

2

Я лежал в ванне и думал о предстоящей встрече с его превосходительством. Глядя на блестящие зеркала и флаконы с духами и ароматными эссенциями, мечтал иметь когда-нибудь такую роскошную ванную.

Мара терла мои плечи и шею, а я наслаждался игрой ее пальцев.

Она рассказала мне, что послу 57 лет, он очень элегантен и хорошо относится к слугам.

К этому времени я уже много знал о сэре Хью Нэтчбулл-Хьюгессене. Он родился 26 марта 1886 года. Образование получил в Итоне и Оксфорде. На его долю, когда он был еще молодым человеком и работал в министерстве иностранных дел, выпала честь отправить телеграмму с объявлением войны Германии в полночь 3 августа 1914 года. В Анкаре он находился с конца февраля 1939 года, а до этого служил в Китае, Иране и Бельгии.

– Говорят, он хорошо играет на рояле и рисует, – продолжала Мара. – Ну, тебе уже пора выходить из ванны.

Через минуту она добавила:

– Мы еще увидимся?

– Конечно.

Теперь в ее обязанности входило купать ребенка и смотреть за ним.

Пока я одевался, Мара спустила воду из ванны и стала мыть ее. Она наклонилась, и, когда заговорила, я почувствовал в ее голосе какое-то напряжение. От того, что она сказала, у меня перехватило дыхание.

– Иногда мне кажется, что ты хочешь стать слугой посла с определенной целью.

Я в это время причесывался перед зеркалом. То, что она сказала, настолько поразило меня, что я не сразу нашелся, что ответить.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я так спокойно, как только мог.

Мара выпрямилась, и мы в зеркале посмотрели друг на друга.

– Ты читаешь документы, которые мистер Баск приносит из посольства.

Я обернулся и спокойно посмотрел на нее.

– Ты что, тайком ходишь в мою комнату?

– Приходила как-то, но тебя не было. Документы лежали под подушкой.

Значит, она шарила в моей комнате. Но я не виню ее. Я сделал бы то же самое.

– А почему же ты не сказала об этом мистеру Баску?

Она не ответила. Я понял, что нашел союзника. Я вышел первым, а когда убедился, что никого нет, кивнул Маре, чтобы она следовала за мной. Мистер Баск ждал меня у машины.

– Вы что, прихорашивались, чтобы произвести приятное

впечатление? – спросил он с раздражением.

– Месье, – вежливо ответил я, – у меня такая борода, что приходится бриться два раза в день.

Я открыл перед мистером Баском дверцу автомобиля и сел за руль.

У парадного входа появилась Мара с ребенком на руках. Она взяла крошечную ручку ребенка и помахала ею мистеру Баску и мне, когда машина тронулась.

Я умышленно ехал медленно – чтобы не дрожали руки. Любому, кто посмотрел бы на меня в эти минуты, стало бы ясно, что мне верить нельзя.

Но, к моему счастью, посол даже не взглянул на меня, когда мистер Баск ввел меня в его кабинет. Сэр Хью Нетчбулл-Хьюгессен тогда, конечно, не мог предугадать, что ему представляли его врага. Если действительно существует шестое чувство, то у посла его не было. По крайней мере по отношению к его будущему камердинеру. Для него я был только пылесосом и одежной щеткой. Внезапно страх исчез.

– Сэр, это Эльяс… – сказал мистер Баск.

Сэр Хью мельком взглянул на меня, кивнул и глазами подал мистеру Баску знак подойти к нему. Он дал ему пачку документов. Они обменялись многозначительными взглядами, из чего я понял, что это были очень важные документы.

– Я верну их вам завтра утром, сэр, – проговорил мистер Баск.

Итак, он возьмет их домой. А в этот вечер, как я знал, он

собирался идти на банкет к советскому торговому представителю. Утром я выгладил его фрак.

Мистер Баск положил документы в портфель и вышел. Я стоял как пригвожденный.

Это была большая комната с высоким потолком, обставленная со вкусом. Дорогой ковер, изящная обстановка. Сэр Хью, видимо, никогда громко не смеялся, никогда внешне не выдавал своего раздражения. У этого стройного джентльмена было благородное лицо с высоко поднятыми светлыми бровями и элегантными усиками. Узнай сэр Хью когда-нибудь о моем обмане, он был бы только слегка оскорблен, но наверняка вышел бы из себя, найдя хотя бы одну пылинку на своем костюме.

Он тихо спросил меня о прежней работе. Я рассказал ему то же самое, что и мистеру Баску в свое время, разумеется умолчав о том, что я работал у зятя Риббентропа.

Мистер Хью целиком положился на рекомендации своего первого секретаря, и поэтому беседа была короткой.

– Когда вы сможете приступить к работе? – спросил сэр Хью. У него был приятный, мягкий голос.

– Сейчас же, ваше превосходительство.

Дворецкий по имени Зеки показал мне дом. Резиденция посла находилась на холмах Канкаи. Это было большое здание, построенное в стиле английского загородного дома. Посольство находилось рядом, но, как я узнал, сэр Хью предпочитал работать в своей резиденции. Здесь же, вероятно,

он хранил и свои секретные документы.

Его кабинет находился на втором этаже, над кухней. Первое, что пришло мне в голову, – это то, что ковер будет приглушать мои шаги.

Комнаты прислуги, в том числе и моя скромная комнатка, находились на первом этаже.

Я мысленно определил расстояние между комнатами. На каждом этаже были длинные коридоры. В доме имелись две лестницы, и мне следовало решить, какую из них использовать для своих целей. На первом этаже висели два портрета – короля Георга VI и королевы. И каким бы путем ни возвращался я в свою комнату, я обязательно должен был пройти мимо одного из них. В случае необходимости я мог спрятать за один из портретов документы или что-нибудь еще.

На третьем этаже находились спальни сэра Хью, его жены и дочери, а также ванные комнаты. Я подсчитал, что не спеша смогу дойти от ванной посла до его спальни за одну минуту и за три минуты – от ванны до его кабинета на втором этаже, а оттуда – за две минуты до моей комнаты. Сэр Хью наверняка любил понежиться в ванне.

В мои обязанности входило готовить ванну для сэра Хью и помогать ему потом одеваться. Значит, у меня будет время взять ключ от сейфа, который сэр Хью всегда имел при себе.

Дворецкий сказал мне, чтобы я смотрел за спальней и гардеробом посла, и вышел.

В гардеробе я обнаружил двадцать пять костюмов, в том

числе и дипломатическую форму. Мне всегда нравилась красивая одежда, и я не мог равнодушно перебирать костюмы сэра Хью. Из гардероба шел едва уловимый тонкий запах дорогих духов. В карманах костюмов я обнаружил несколько таблеток от расстройства желудка.

На столе лежал неоконченный карандашный рисунок с видом из окна на город. Мастерство, с которым был выполнен этот рисунок, восхитило меня.

С рисунком в руках я подошел к окну и распахнул его. Глубоко вдохнул свежий воздух. В Анкаре осень – лучшее время года. Жестокий летний зной уже позади. Небо темно-голубое. Тепло, а вечерняя прохлада даже приятна. Я посмотрел вниз на тополя у подножия горы – и увидел теннисные корты посольства. Если сэр Хью будет играть там, я получу еще одну возможность…

Я положил рисунок на место и закрыл окно. Потом подошел к столику у кровати и открыл верхний ящик. В нем лежали снотворные таблетки – другая приятная для меня находка. Я закрыл ящик. Повернувшись, увидел в дверях красивую женщину. У нее были большие светлые глаза, гладкая прическа и скептически опущенные уголки рта.

– Вы новый камердинер?

Я поклонился:

– Да, мадам. Меня зовут Эльяс…

Леди Нэтчбулл-Хьюгессен мельком взглянула на меня и тихо вышла. Я почувствовал, что с ней надо быть настороже

больше, чем с ее мужем. Мне снова стало страшно.

Чтобы вернуть уверенность в себе, я, уходя из спальни, взял рисунок и спрятал его за портретом короля Георга VI и только через три дня положил его на место. Сэр Хью не заметил пропажи, как и появления рисунка через три дня. Он только посмотрел на него каким-то отсутствующим взглядом. Сэр Хью наверняка писал стихи.

Мара, казалось, навсегда забыла о своем бывшем женихе. Ее фантазия в выдумывании новых способов демонстрации ее любви была неистощима. Она превзошла себя и в приготовлении моих любимых блюд: имама байлиди, которое делается из яиц и фруктов с оливковым маслом и употребляется в холодном виде с помидорами и луком, и серкеса тавугу – курятины по-черкесски. В тот вечер она приготовила мне баклаву – сладкое блюдо из миндаля и фисташковых или грецких орехов.

Мы сидели на кухне. Ребенок спал в своей кроватке, а родители его ушли на банкет к советскому торговому представителю.

Я наблюдал, как ловкие пальцы Мары приготавливали баклаву.

– Как приятно, что ты здесь, – заметила Мара.

Я встал, взял поднос и, сказав, что вернусь через минуту, пошел в кабинет мистера Баска.

У моего бывшего хозяина были свои привычки, и я знал их. Из ящика его стола, который я теперь легко открывал,

я вытащил портфель и взял из него все документы, которые он принес домой. Затем положил портфель обратно, в ящик стола, документы – на поднос и накрыл их салфеткой. Потом достал из шкафчика бутылку бренди, два стакана и вернулся на кухню.

– Прекрасно! – воскликнула Мара, увидев меня. Ее, правда, несколько разочаровало то, что это было не виски. Я поставил поднос прямо под лампочкой (это была самая яркая лампочка в доме) и снял салфетку.

Мара перестала заниматься баклавой и смотрела на меня, открыв рот. Я подошел к кухонному шкафу и из одной из кастрюль взял «лейку». Это был старый фотоаппарат, которым я раньше снимал своих детей.

Я фотографировал документы страница за страницей. Чтобы сфотографировать документы сверху, мне пришлось встать на стул. Этот способ был довольно эффективен, но очень сложен. Я решил, что надо найти лучший способ для выполнения подобных работ.

– Я знала об этом, – тихо проговорила Мара.

Но ее слова прошли мимо моих ушей: все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы сделать хорошие фотографии.

– Ты хочешь, чтобы Турцию втянули в войну? – спросил я. – Уверен, что ты не хочешь этого.

Она промолчала. Я спокойно продолжал работать. В присутствии Мары мне легко было быть хладнокровным, и за

это я благодарен ей.

Закончив фотографирование, я положил фотоаппарат обратно в кастрюлю, а документы и нетронутый бренди отнес в кабинет. Когда я вернулся на кухню, Мара все еще продолжала смотреть широко открытыми глазами на кастрюлю, в которую я спрятал фотоаппарат.

– Здесь никто никогда не найдет его, – прошептала она.

– Нет причины говорить шепотом, – заметил я. Мара находилась в состоянии крайнего возбуждения, и ее нервозность придавала мне силы. Я деланно улыбался, а она считала меня героем. – Не забудь о баклаве.

– Ты служишь в турецкой разведке! – неожиданно воскликнула она.

Я рассмеялся.

У меня не было времени прочитать сфотографированные документы, и поэтому содержание их я узнал позже.

В одном из документов говорилось о количестве военных материалов, доставленных русским. Перечень оружия, боевой техники и военного снаряжения был бесконечным. Когда он попадет в руки немцев, они увидят, какие огромные усилия прилагают союзники, стараясь помочь друг другу.

Баклаву мы ели с большим аппетитом.

– Иногда я чувствую отвращение, обманывая людей. Но когда рядом ты, мне так хорошо.

Еще одна фраза соскользнула с моего языка:

– Я делаю все это для родины.

Эти последние слова должны были подчеркнуть важность моей работы.

– Ты любишь меня? – в ответ спросила Мара. Это был единственный вопрос, который она задала.

– Да, – ответил я и сам поверил в это.

Я был и уверен и не уверен в себе. Цель, которую я поставил перед собой, придавала мне силы, но в то же время я никак не мог отделаться от овладевшего мной страха.

Перед уходом Мара достала аппарат из кастрюли и отдала его мне.

Ночь была прохладная. Я поднял воротник пальто и поспешил к себе.

Жизнь моя как бы раздвоилась. Моя собственная тень всегда находилась позади, толкая меня вперед. Каждое утро в половине восьмого я будил посла и давал ему стакан апельсинового сока. Моя тень склонялась из-за моего плеча и пыталась обнаружить английские секреты на тумбочке сэра Хью, где стоял ящичек из черной кожи.

Моей следующей обязанностью было готовить для посла ванну.

Сэр Хью всегда оставался в постели в течение получаса после того, как я будил его. Он читал газеты или документы, которые брал из черного ящичка.

Направляясь в ванную, он говорил мне, какой костюм наденет в этот день. Я тотчас же доставал его из гардероба, проверял, все ли пуговицы на месте, и гладил его, если он был

помят.

Однажды я подошел к тумбочке и пытался открыть черный ящичек, но он был заперт.

Когда посол шел завтракать, я должен был нести этот ящичек в его кабинет, где отдавал его личному секретарю посла.

На первый завтрак посол тратил двадцать минут, на второй – двадцать пять и на обед, как правило, полчаса. Он настолько точно придерживался установленного распорядка, что по нему можно было проверять часы.

После второго завтрака он полтора часа играл на рояле в гостиной. Перед обедом снова принимал ванну, пока я готовил ему костюм для обеда.

Со временем я приспособился к ритму жизни в этом доме.

Пока семья находилась за столом, мне нечего было делать. За столом прислуживал Мустафа. Я помогал ему только тогда, когда сэр Хью и леди Нэтчбулл-Хьюгессен принимали гостей.

Мустафа был беззаботный, покорный и веселый человек. Ничто не удивляло его. И если бы в его присутствии я ударил сэра Хью, он только пожал бы плечами, считая, что у меня были для этого достаточные причины.

Маноли Филоти, шеф-повар, был человек другого склада. Он мастерски готовил бифштексы и был очень высокого мнения о своей персоне. Он расставлял свои кастрюли, тарелки, чашки и сковороды точно так же, как Тосканини – музыкантов своего оркестра, а когда снимал с плиты ка-

кое-то блюдо, ему казалось, что он слышит бурю аплодисментов взволнованной аудитории.

Маноли Филоти считал себя правой рукой леди Нэтчбулл-Хьюгессен, и, не будучи удовлетворен своим маленьким миром сваренных к завтраку яиц всмятку и телячьей печенки, он принимал на себя дополнительные обязанности – пристально наблюдать за прочими кавасами.

Его комната находилась рядом с моей, но, к счастью, он никогда не ночевал там. У него была семья и квартира в городе.

Зеки, дворецкий, был воплощением достоинства. Он презрительно смотрел на все то, что было ниже его задранного вверх носа. Он был слишком занят своей осанкой, и поэтому у него не оставалось времени замечать меня.

Я перечислил всех слуг посла. С этими людьми мне приходилось работать, и они, естественно, замечали, как я себя веду.

Личного секретаря посла звали Люси. Это была чудесная женщина, такая же покорная и бессловесная, как и сейф, который стоял в ее комнате. Я внимательно посмотрел на сейф и загадочно улыбнулся мисс Люси. Она же холодно взяла у меня черный ящичек посла.

Мисс Люси открыла сейф – и я узнал, где хранится ключ от черного ящичка. Днем он был у мисс Люси, а на ночь посол брал его с собой.

Мисс Люси поставила черный ящичек в сейф рядом с

красными ящичками.

Уже на третий день своего пребывания в резиденции посла я понял смысл системы черных и красных ящичков. Это объяснялось весьма определенными свойствами натуры сэра Хью.

Все телеграммы, донесения, меморандумы, то есть самые важные документы, находились в красных ящичках. Они доставлялись из посольства в его личную резиденцию, потому что он предпочитал работать здесь.

Непросмотренные документы оставались на ночь в сейфе мисс Люси. Но документы особой важности, над которыми посол хотел подумать в свободное время, перекладывались из красных ящичков в черный, который сэр Хью брал с собой в спальню.

Итак, секретные, но не особенно важные документы хранились в посольстве под надзором сильной охраны. Зато исключительно важные документы в дневное время находились в красных ящичках на столе посла в его личной резиденции, а ночью их клали в сейф Люси, очень простой в обращении. Единственным сторожевым псом за дверью этого кабинета был усталый охранник тысяча восемьсот девяносто четвертого года рождения, здоровье которого было сильно подорвано многолетними ночными дежурствами. Его плохо подогнанные зубные протезы свистели, когда он спал. Сэр Хью занимался с документами из черного ящичка до глубокой ночи и засыпал только с помощью снотворных таблеток.

Моя комната, которая находилась, как я уже говорил, рядом с комнатами других слуг, была маленькой и очень просто обставленной. Кровать, стол, шкаф для одежды и стул. В дополнение к этому я купил лампочку в сто ватт и принес металлические стержни, а также металлическое кольцо. Фотоаппарат можно было привинтить к металлическому диску, а стержни использовать как стояки. Так получилась тренога, с помощью которой было легко фотографировать документы. Чтобы отвлечь подозрение, два стержня я приладил к шкафу и повесил на них галстуки, а два других прикрепил к стене возле умывальника. На них я вешал полотенца, а иногда выстиранные носки.

Металлический диск служил пепельницей. Метки, образовавшиеся на нем от привинчивания к нему фотоаппарата, выглядели как следы от сгоревших сигарет.

Со временем я принес еще большой кусок воска.

Мара была моим утешением. С ней я забывал обо всем.

– Почему бы мне не довольствоваться тем, что я имею? – как-то спросил я ее, словно она была в чем-то виновата. – У меня самая высокооплачиваемая работа из всех, какие я когда-либо имел. Почему я должен заниматься такими делами?

Я был изменчив, как погода. Подавленность быстро сменяла веселость.

Мара дружески сжала мою руку. Она считала своей обязанностью подбадривать меня, ибо верила, что я турецкий патриот, в чем почти уверился и я сам.

– Я так боюсь за тебя, но ты должен, должен делать это.

Мое настроение быстро изменилось. Я начал улыбаться и говорить о сэре Хью, кому, как предполагалось, я был верен.

– Надо видеть его утром, – начал я. – Это безвольный и мягкий, как старые фланелевые брюки, человек. Но постепенно он приходит в себя. Проглатывает апельсиновый сок, затем встает с кровати и принимает ванну. После этого он свеж, как маргаритка, и может целый день заниматься умственной работой.

– Как хорошо ты говоришь! – воскликнула Мара.

Пока мне везло. Я достал из кармана пальто три куска воска и показал их ей.

– Что это такое? – воскликнула она.

– Отпечатки ключа, – похвастался я и рассказал ей, как мне это удалось сделать.

Его превосходительство плескался в ванне, пока я в спальне приводил в порядок его серый костюм. Его ключи – ключ от сейфа и ключи к красному и черному ящичкам – лежали на тумбочке.

Я быстро сделал слепки. На ключе остался маленький кусочек воска. Я подошел к гардеробу, взял один из шелковых носовых платков сэра Хью, вытер им ключи и положил их обратно на стол.

В этот момент сэр Хью в халате вошел в спальню. Он появился так внезапно, что я даже не успел испугаться. В руке у меня был белый как снег носовой платок.

– Надо отдать его в стирку, ваше превосходительство, – проговорил я.

Сэр Хью кивнул, но моих слов он явно не слышал. Подойдя к тумбочке, он быстро взял ключи, положил их в карман халата и снова вышел.

Через минуту я услышал, как он полоскал рот. Я вытер пот шелковым платком.

Я продолжал хвастаться:

– Слышала бы ты, как он полоскал рот. Это напоминало клокотанье горной речки.

Я с удовлетворением смотрел на восковые слепки и представлял себе, как сэр Хью испугался, когда вдруг вспомнил, что с ним нет ключей от ящиков с совершенно секретными документами. Он, наверное, выскочил из ванны как сумасшедший.

С минуту помолчав, я самодовольно улыбнулся и добавил:

– Сэр Хью слишком хорошо воспитан. Если бы он не тратил времени на надевание халата, он бы наверняка застал меня с поличным.

Мы сидели с Марой на скамейке в уютном парке Кавакли-дере. Она прижалась ко мне и прошептала:

– Ты знаешь, о чем я иногда мечтаю? О своем домике, в котором мы были бы счастливы.

– Если все пойдет нормально, у нас вскоре будет такой домик, – ответил я.

Она обняла меня так страстно, что я даже забыл, о чем

думал.

– Когда мистер Баск собирается на следующий банкет? – сухо спросил я, поднявшись со скамейки.

– Послезавтра.

В тот вечер, когда мистер Баск отправился на банкет, я пошел к Маре. В портфеле мистера Баска я нашел список фамилий и на кухне сфотографировал его.

Ночевал в комнате Мары. Фотоаппарат был в кармане моего пальто, которое висело на спинке кровати. В сфотографированном списке были перечислены имена всех английских секретных агентов в Турции.

На рассвете я вышел из дому. Это было двадцать шестое октября тысяча девятьсот сорок третьего года. Для меня этот день должен был стать решающим: вечером я решил пробраться в немецкое посольство.

У меня было пятьдесят два снимка, и я думал, какую сумму просить за них. В тот день я старался не попадаться на глаза сэру Хью.

Я решил запросить 20 000 фунтов стерлингов. Мысль о возможности получить такую большую сумму денег не давала мне покоя.

В посольство надо было пробраться тайно. К тому же мне следовало забыть о том, что всего шесть месяцев назад я был кавасом у Енке, советника посольства. Необходимо было заставить немцев поверить мне, опытному шпиону и перспективному агенту.

С нетерпением ждал я конца работы. Двадцать шестое октября было самым длинным днем в моей жизни.

Я вышел из английского посольства в шесть часов вечера с пленкой в кармане.

Портье в немецком посольстве был югослав Петер. Он сразу же узнал меня.

– Ты что, хочешь вернуться? – спросил он меня.

– Может быть, – ответил я.

Я с трудом держал себя в руках. Пробило семь часов. Значит, уже целый час я напрасно пытался успокоить себя.

– Пожалуйста, скажите фрау Енке, что я хочу ее видеть, – сказал я.

Немецкое посольство находилось на бульваре Ататюрка. За поржавевшими железными воротами кипела своя жизнь: грохотали и дребезжали машины, мужчины верхом на ишаках, босоногие крестьяне направлялись в город. Внутри же – порядок, тишина, безукоризненная чистота.

Здания английского и немецкого посольств были самыми запоминающимися в Анкаре. Мысль о том, что кавасу Эльясу Базне с двумя этими посольствами предстояло иметь самые тесные отношения, заставила меня улыбнуться.

Петер звонил по телефону.

– Они ждут тебя, – сказал он. Дорогу я знал.

Дом, в котором жили супруги Енке, находился рядом с посольством. Он был построен в восточном стиле. Меня встретил незнакомый кавас. Видимо, Енке взял его после моего

ухода.

Он провел меня в гостиную.

Я сел на диван, на котором фотографировал себя несколько месяцев назад… Комната была такой же, как и раньше, когда я убирал ее. Правда, появились следы заботливой женской руки. Фрау Енке, сестра Риббентропа, обставила ее с большим вкусом. Глубокие мягкие кресла, тяжелые портьеры, дорогие ковры.

Я встал и задернул штору. Затем включил две лампочки и удобно уселся в кресло. Лицо мое находилось в тени.

Ждал я очень долго.

Фрау Енке была нервной, честолюбивой женщиной сорока лет. Как ее бывший слуга, я знал, что она употребляла лекарство из корня болгарской белладонны. С ней не всегда было легко ладить. Она умерла от болезни Паркинсона. Возможно, еще при мне сестра министра иностранных дел Германии была больна. Но мне, кавасу, она никогда не показывала этого.

Когда она вошла в комнату, я встал.

– Добрый вечер, мадам, – прошептал я.

– Почему вы спустили шторы, Эльяс? – спросила она.

– Мадам, я надеюсь получить от вас много денег…

Ее лицо не выразило удивления.

– Боюсь, что у меня не найдется для вас времени, – сказала она.

– Присядем, мадам, – предложил я.

В ее глазах мелькнула настороженность.

– Нет, Эльяс, мы не сядем. Будет лучше, если вы сразу же уйдете.

Но я не слышал ее слов.

– Я только что из английского посольства. Теперь я камердинер сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессена. Рискуя своей жизнью, я…

Она подалась вперед, чтобы лучше понять главное из того, что я говорил.

Наступила тишина. Руки мои стали влажными. Фрау Енке заговорила первая:

– Я думаю, мой муж захочет видеть вас.

3

Однажды я прочитал несколько писем, которые Альберт Енке получил от брата своей жены, Риббентропа, и, хотя Енке не говорил мне об этом, я знаю, что этого было достаточно, чтобы уволить меня. И теперь, вечером двадцать шестого октября тысяча девятьсот сорок третьего года, я должен был встретиться с ним впервые с тех пор.

Инке Енке вышла позвать мужа.

Наконец оба пришли. У меня создалось впечатление, что Енке хотел, чтобы и его жена приняла участие в этом деле.

– Добрый вечер, Эльяс, – сказал он.

Как деловой человек, Альберт Енке ждал, что я предложу.

Ему было около пятидесяти. Профессиональным дипломатом он не был. Отец его – немец, а мать – шведка. Отец его получил некоторую известность в Турции, где строил дамбу через долину.

Альберт Енке, также бизнесмен, много лет жил в Стамбуле. Турция была его вторым домом. Если бы не его женитьба на сестре Риббентропа, его никогда не пригласили бы на дипломатическую работу.

Раньше, когда я был слугой, Енке являлся советником посольства, но в последние дни его повысили: он стал посланником.

– Господин посланник, позвольте сердечно поздравить

вас, – вежливо сказал я.

– Спасибо.

Он, вероятно, подумал, что это далеко не дело каваса, к тому же уволенного за неблагонадежность. Чтобы скрыть свою нервозность, я начал говорить. Слова мои текли, как вода:

– Турция и Германия всегда были друзьями. Они никогда не воевали друг с другом. Мы, турки, всегда любили немцев, и наше отношение к вам не изменилось…

Лицо Енке по-прежнему сохраняло холодное выражение. То, что я говорил, было правильным и не вызывало возражений. Но фальшивые нотки в моем голосе делали мои слова пустыми и ничего не выражающими. В глазах Енке появились насмешливо-иронические огоньки, и это рассердило меня. Я изменил тон.

– Дела у немцев сейчас идут не так-то хорошо, чтобы отказываться от помощи, откуда бы она ни шла, – грубо сказал я. – У меня есть возможность фотографировать документы «лейкой» в английском посольстве. Предлагаю вам пленку со снимками. Все документы, которые я сфотографировал, помечены грифом «секретно» или «совершенно секретно».

– Снимки с вами? – прервал меня Енке.

Мои пальцы играли лентами пленки в кармане.

– Нет, – ответил я. – Но сейчас я могу предложить вам две пленки, за которые хочу получить двадцать тысяч фунтов стерлингов. Если вы примете мое предложение, каждая по-

следующая фотопленка будет стоить пятнадцать тысяч фунтов стерлингов.

– Вы с ума сошли! – воскликнул он.

– Вы, конечно, можете отвергнуть мое предложение. Но ведь другое посольство недалеко отсюда. Там безусловно хорошо заплатят за сведения, раскрывающие намерения англичан и американцев.

Супруги Енке обменялись взглядами.

– Мы не можем платить такую сумму, не зная, чего стоят ваши снимки. Во всяком случае, у нас в посольстве такой суммы денег нет.

– Значит, вам придется запросить Берлин. Я позвоню по телефону тридцатого октября, и вы скажете мне, принял Берлин мои условия или нет.

– Мойзиш, – вмешалась фрау Енке.

Енке задумчиво посмотрел на меня и кивнул:

– Да. Это по его части.

Затем он встал и повернулся ко мне:

– Сейчас уже поздно. Я свяжу вас с одним человеком.

Я посмотрел на часы. В посольстве я находился уже три часа.

– Сожалею, что отнял у вас так много времени, но меня слишком долго заставили ждать…

Фрау Енке подошла к телефону и набрала номер. Она долго ждала, прежде чем получила ответ.

Из ее слов я понял, что человек по фамилии Мойзиш дол-

жен был немедленно прийти в посольство.

Фрау Енке положила трубку и сказала мужу по-немецки:

– Он в постели.

– Но ведь сейчас только половина одиннадцатого, – заметил я.

Оба посмотрели на меня.

– Так вы говорите по-немецки?

– Немножко.

До этого мы говорили по-французски.

– Я тоже иду спать, – сказал Енке и направился к двери.

Когда он уже подошел к двери, я громко спросил:

– Я могу сказать господину Мойзишу, что был вашим слугой?

Енке холодно ответил:

– Я не могу настаивать, чтобы вы не говорили. Я почти забыл, что вы были моим слугой. Английский посол однажды также вспомнит о вашей службе с неудовольствием.

Енке вышел. Фрау Енке тотчас же последовала за ним.

Я снова ждал. Немцы не верили мне. Моим единственным оружием было терпение.

Я воспользовался сигаретами Енке. Английские сигареты, которые я привык курить в английском посольстве, были лучше.

Мойзиш был человек среднего роста, крепкий, смуглый, с настороженными глазами. Он австриец. Его официальная должность в посольстве – торговый атташе. В действитель-

ности же он был оберштурмбанфюрером СС и работал в шестом отделе главного управления имперской безопасности. Он подчинялся не фон Папену, послу, а Кальтенбруннеру. Но обо всем этом я узнал позже. Тогда же я мог только предположить, что он работает в немецкой секретной службе.

Позже я прочитал свою характеристику, написанную Мойзишем:

«Казалось, ему уже перевалило за пятьдесят. Его густые черные волосы были зачесаны прямо назад с высокого лба, а темные глаза все время беспокойно перебегали с меня на дверь. У него был твердо очерченный подбородок и небольшой бесформенный нос. В общем, лицо не очень привлекательное. Позже, когда я ближе с ним познакомился, я решил, что лицо этого человека похоже на лицо клоуна без грима, привыкшего скрывать свои истинные чувства».

Вот каким я показался Мойзишу. В его глазах я увидел презрение и молчаливое удивление по поводу того, что господин Енке оставил меня одного в своей гостиной.

– Вам рассказали о моем предложении? – спросил я.

Он отрицательно покачал головой. Я старался быть терпеливым. Меня, словно документ, передавали от одного служащего к другому.

Я повторил то, что сказал Енке, и он явно не поверил мне. А мое требование в отношении двадцати тысяч фунтов стерлингов заставило его рассмеяться.

– Ваше имя? – спросил он.

– Это не имеет никакого значения. Спросите господина Енке.

– Я не могу просить денег, не видя ваших снимков.

– Я позвоню вам тридцатого в пятнадцать часов. Назовусь Пьером.

– Так вас зовут Пьер?

– Если у вас будут деньги, когда я позвоню, мы встретимся. Вашего привратника зовут Петер. Это навело меня на мысль.

– Где?

– За зданием посольства есть сарай с инвентарем.

– Вы об этом знаете?

– Да, конечно. Я буду там ровно в десять вечера. Вы покажете мне деньги, а я отдам вам пленку. Вы сразу же проявите ее. Надеюсь, у вас в посольстве для этого есть все необходимое?

– Да.

– Вы ознакомитесь со снимками, а я подожду. Можете не отдавать мне денег до тех пор, пока не просмотрите снимки и не удостоверитесь, что они стоят того, что я прошу за них. Эти условия вам подходят?

Уверенность, с которой я говорил, заставила Мойзиша насторожиться. Невероятное, видимо, не стало казаться ему таким уж невероятным.

– Мне нужен новый фотоаппарат, «лейка», – тихо сказал я. – Вы также должны обеспечивать меня пленкой. Вместо

использованной пленки вы будете давать мне новую. Меня не должны видеть покупающим фотопринадлежности.

Теперь он слушал меня с большим вниманием.

– Берлин никогда не согласится платить такую огромную сумму, – бросил Мойзиш.

– Об этом должны беспокоиться вы, а не я. А теперь я буду вам очень многим обязан, если вы выключите свет в зале и на лестнице. Я ухожу.

Как мне показалось, он хотел задать мне еще целый ряд вопросов, но я решил, что пора уходить. Нервы мои были на пределе. В какой-то момент вся затея показалась даже мне нереальной и абсурдной.

Мойзиш, покоренный моими уверенными действиями, выключил свет снаружи. Моя рука в кармане судорожно сжимала пленки. Казалось, если бы в этот момент он продолжал задавать мне вопросы, я бросил бы пленки к его ногам и почувствовал бы громадное облегчение, если бы он взял их, не заплатив ни пфеннига.

Ночная темнота поглотила меня.

На следующее утро в Берлин из немецкого посольства в Анкаре была отправлена зашифрованная телеграмма:

«Министру иностранных дел Германии. Лично. Совершенно секретно. Мы имеем предложение служащего английского посольства, назвавшегося камердинером английского посла, купить снимки с совершенно секретных оригинальных документов. За первую партию документов он требует

(30 октября) двадцать тысяч фунтов стерлингов. За каждую последующую пленку – пятнадцать тысяч фунтов стерлингов. Прошу сообщить, следует ли принять предложение. Если да, то требуемая сумма должна быть доставлена специальным курьером не позже тридцатого октября. Назвавшийся камердинером английского посла несколько лет назад служил у первого секретаря нашего посольства. Больше о нем ничего не известно. Папен».

Текст этой телеграммы стал мне известен только десять лет спустя, а ответ, который заставил бы меня ликовать, я узнал лишь сравнительно недавно. Ответ был следующий:

«Послу фон Папену. Лично. Совершенно секретно. Предложение английского камердинера принять, соблюдая меры предосторожности. Специальный курьер прибудет в Анкару тридцатого до полудня. Жду немедленного донесения после получения документов. Риббентроп».

В то время, когда происходил обмен этими телеграммами, я сидел в гостинице «Анкара Палас». Я много пил, но не пьянел.

Я перешел Рубикон, и возврата назад не было. Трудно передать то волнение, с которым я ждал 30 октября. Но я ни в коем случае не должен был терять головы. Более того, в эти дни мне следовало особенно внимательно относиться к своим обязанностям камердинера. Двадцать девятое октября – турецкий национальный праздник. Накануне вечером в турецком министерстве иностранных дел был дипломатиче-

ский прием. В полдень тридцатого октября президент Иненю устроил прием для дипломатического корпуса, а после полудня – большой военный парад на ипподроме. Я должен был приготовить сэру Хью соответствующие костюмы.

Когда я готовил сэру Хью парадный костюм для приема у президента, он вошел в спальню, посмотрел, как я снимал последнюю пылинку с его костюма, и с улыбкой сказал:

– Эльяс, сейчас подходящий случай сказать вам, что я очень доволен вами. Вы прекрасный камердинер. – Он сказал это тихим, приятным голосом.

– Благодарю вас, ваше превосходительство.

Не имея сил взглянуть на сэра Хью, я продолжал смотреть на костюм.

Сэр Хью был в очень хорошем настроении.

– Удивительная вещь – находиться в нейтральной стране во время такой войны, как эта, – заметил он.

В это время я молча подавал ему одежду.

– На военном параде турецкое правительство должно позаботиться о том, чтобы представители враждующих государств находились на значительном расстоянии друг от друга…

– Ваше превосходительство, – проговорил я, – я очень рад, что моя страна нейтральна.

Он внимательно посмотрел на меня, но на мои слова не обратил никакого внимания. Я знал, что, действуя по указаниям своего правительства, он делал все от него зависящее,

чтобы втянуть Турцию в войну. Он слабо улыбнулся и продолжал:

– На приеме у президента послы представляются в алфавитном порядке названий государств. Вы понимаете, что это значит?

Я слишком долго был кавасом и понимал, что это означало.

– Они представляются в порядке французского алфавита: первым посол Allemagne, затем Anglettere, то есть первым немецкий посол, затем английский, – продолжал сэр Хью Нэтчбулл-Хьюгессен. – Я встречу немецкого посла. Когда господин фон Папен появится в зале, я буду ждать у входа. Мы поприветствуем друг друга едва заметным наклоном головы, не глядя в лицо. Таков обычай. Наши народы убивают один другого, а мы приветствуем друг друга.

– Все это очень печально, ваше превосходительство, – позволил себе заметить я.

Неожиданно сэр Хью издал какой-то сухой, короткий звук. Он, очевидно, вспомнил что-то веселое.

– Несколько лет назад, когда я находился в Пекине, сын Папена был другом моей семьи. Мы были в хороших отношениях… – Он снова засмеялся: – Как бы это выглядело, если бы вдруг вы появились в немецком посольстве с маленьким подарком для господина фон Папена?

У меня остановилось сердце. Уж не попал ли я в ловушку? А вдруг меня видели входящим в немецкое посольство? Эти

мысли заставили меня покраснеть до корней волос.

Но сэр Хью громко засмеялся.

– Что вы так испуганно смотрите на меня? – спросил он. – Я только вспомнил, что турецкий национальный праздник является также и днем рождения моего коллеги фон Папена. Ему сейчас шестьдесят четыре года, если мне не изменяет память. Будь это мирное время, я, естественно, поздравил бы его. Но теперь время военное. В этом году ему придется обойтись без английского подарка.

Я еще раз удостоверился, что форма на сэре Хью сидела правильно, и заставил себя улыбнуться. Но вскоре мое настроение изменилось. Самообладание вернулось ко мне.

Впервые после того, как я ушел из немецкого посольства, я почувствовал, что у меня есть силы для достижения намеченной цели.

Мне было искренне жаль сэра Хью. В своей парадной форме он выглядел очень симпатичным. Как только он ушел, я поспешил в его комнату с фотоаппаратом, который был спрятан в пылесосе.

На следующий день после полудня я был свободен, поскольку работал в праздник.

Я встретился с Марой. Мы гуляли по бульвару Ататюрка, глядя на витрины магазинов. Мара не знала, что у меня должен был состояться решающий телефонный разговор.

– Вчера я впервые фотографировал в посольстве, – сказал я ей.

– В посольстве?! – удивленно воскликнула она, словно я сказал ей нечто такое, чему нельзя было поверить.

– Да, в комнате сэра Хью. Я открыл красные ящички, стоявшие на его столе, и сфотографировал две телеграммы. – Звук моего собственного голоса успокаивал мне нервы. – Я сделал копии ключей, – продолжал я. (Их сделал слесарь, который работал со мной много лет назад в транспортном отделе Стамбульского муниципалитета.)

Мару охватил панический ужас, когда она представила, что со мной могло произойти.

– А что, если бы в комнату вошел посол?!

Я самодовольно улыбнулся:

– Он был на приеме у Иненю. Я положил телеграммы на подоконник и сфотографировал их.

Часы показывали без пяти минут три. Мы остановились у телефонной будки.

Я был слишком возбужден, чтобы заметить человека, который направлялся к нам.

Это был Маноли Филоти, повар английского посольства. Он был очень любопытен и потому захотел познакомиться с Марой.

– Какой чудесный день! – воскликнул он. – Как поживаете? А почему бы вам не познакомить нас?

Он начал прихорашиваться и через мгновение залил нас потоком болтовни, стараясь произвести впечатление на Мару. Затем стал рассказывать о любимых блюдах посла и хва-

лить свою кухню.

Вскоре Мара и Маноли начали обсуждать способы приготовления различных блюд. Мне же в этот момент хотелось послать их обоих к черту.

Было ровно три часа. Я изобразил на лице жалкое подобие улыбки:

– Мне сейчас нужно позвонить по телефону, а ты, – обратился я к Маноли, – расскажи тем временем Маре, как ты готовишь баклаву.

Маноли громко засмеялся и заметил:

– Ха-ха-ха! Звонить другой девушке!

Я скрылся в телефонной будке. На лбу у меня выступили капли пота. Набрав номер немецкого посольства, я спросил Мойзиша. Когда он ответил, я произнес условную фразу:

– Говорит Пьер.

Мойзиш вел себя так, будто мы были старыми друзьями.

– Буду рад видеть вас сегодня вечером, – сказал он. Я ответил, что также буду рад встретиться с ним.

Затем он положил трубку. В будке было невыносимо душно. Я рывком открыл дверь и жадно вдохнул свежий воздух.

Итак, немцы приняли мое предложение.

От волнения меня трясло как в лихорадке. Я чувствовал, что это был самый ответственный момент в моей жизни.

Я с презрением посмотрел на Маноли, этого самодовольного кухонного чародея. Ему наверняка и не снилась такая сумма, как двадцать тысяч фунтов стерлингов. Я взял Мару

за руку:

– Нам нужно идти.

Маноли улыбнулся – решил, что я ревную.

В тот день, когда я звонил Мойзишу, закончилась Московская конференция союзников. Она продолжалась с восемнадцатого до тридцатого октября.

Министерство иностранных дел Англии по телеграфу своевременно информировало английского посла о решениях, принятых в Москве. На конференции среди других проблем рассматривались следующие вопросы, решение которых привело бы к быстрому окончанию войны:

1) скорое вторжение во Францию; 2) оказание усиленного давления на Турцию с целью вовлечь ее в войну до конца этого года; 3) оказание давления на Швецию с целью создать в этой стране авиационные базы союзной авиации.

Сэр Хью получил инструкции оказать на турецкое правительство максимально возможное давление. Его также информировали о том, что по пути из Москвы мистер Антони Иден остановился в Каире, где он хотел встретиться с Нуманом Менеменджоглу, турецким министром иностранных дел. Встреча намечалась на четвертое ноября.

Я не знал об этих событиях и не имел ни малейшего представления о том, что информация, касающаяся всех этих вопросов, лежала в красных ящиках уже вечером тридцатого октября. Единственное, что я знал, – это что счастье еще не покинуло меня.

Я приготовил костюм для обеда, в котором сэр Хью собирался быть в этот вечер, и, когда он надевал его, я про себя улыбался. Вдруг мне пришла в голову мысль, что в следующий раз, когда сэр Хью пойдет на дипломатический прием в парадной форме, я мог бы переправить пленки. Все, что мне нужно сделать, – это положить пленки ему в карман, из которого господин фон Папен незаметно возьмет их, когда послы пройдут мимо друг друга. Эта абсурдная идея развеселила меня.

Сэр Хью также был в хорошем настроении.

– Вы довольны собою. Хорошо провели время после полудня? – спросил он меня.

– Да, ваше превосходительство, – честно ответил я.

Когда сэр Хью обедал, я пошел в его комнату, открыл ящички, достал из них документы, затем закрыл их и поспешил в свою комнату. Быстро установил фотоаппарат, включил стоваттную лампочку над своей тумбочкой и сфотографировал документы.

Менее чем через три минуты я был уже у двери комнаты сэра Хью с документами под пиджаком. К моему ужасу, дверь была полуоткрыта. Меня словно громом ударило. Из комнаты доносился голос сэра Хью: он говорил по телефону.

Меня охватил панический страх. Я словно прирос к полу. Но через несколько мгновений я взял себя в руки и медленно пошел по коридору. Дверь тем временем тихо закрылась, и торопливые шаги опередили меня. Это был сэр Хью, воз-

вращавшийся в столовую. Он был явно раздражен. Я знал, что он не любил, когда его беспокоили во время обеда.

Я продолжал медленно идти, пока он не исчез.

Затем я решительно пошел в его комнату и осторожно положил документы на место.

Через два часа я вышел из посольства, чтобы встретиться с Мойзишем, но снимков этих документов с собой не взял. Я был суеверен. Эта пленка чуть было не принесла мне несчастья, и я не собирался рисковать своей головой дважды в один вечер.

Территория немецкого посольства с тыльной стороны была огорожена проволочным забором. Я знал, где в нем дыра, и пролез через нее.

Сарай с инвентарем как место для встречи я выбрал не случайно. Он был окружен густым кустарником, защищавшим от любопытных глаз.

Я осторожно осмотрелся. Тишина. Я был один.

Стояла холодная безоблачная ночь. Я ждал в тени сарая. Мойзиш появился на две минуты раньше намеченного времени. Если бы он пришел с кем-нибудь, я бы испугался. Я верил ему так же мало, как и он мне. А вдруг он не принес денег? А что, если на меня нападут и силой отнимут пленки? Станут шантажировать меня и заставят работать бесплатно?

В такой игре, как эта, не может быть никакого доверия.

– Пьер! – тихо позвал он.

Я ждал. На дорожке было тихо.

Мойзиш начал нервно ходить взад и вперед. Я вышел из своего укрытия и сказал:

– Может быть, мы пройдем к вам?

Мое неожиданное появление откуда-то сзади испугало Мойзиша до смерти.

Здание разведки находилось в ста метрах отсюда. Мы шли туда молча. Когда вошли в дом и пошли по коридору, я заметил, что вокруг было темно.

– Окна вашего кабинета выходят на бульвар Ататюрка, – заметил я. – Вы задернули шторы?

– Вы, как я вижу, хорошо осведомлены, – проговорил он.

– Это необходимо.

Еще работая у Енке, я знал, где размещается разведка. Мойзиш тем временем включил свет и закрыл дверь. Мы были одни.

– Покажите пленку.

Мы стояли лицом к лицу – два человека, которые не доверяли один другому.

– Покажите деньги, – ответил я.

Мойзиш на какой-то миг заколебался. Затем решительно подошел к сейфу в углу комнаты и открыл стальную дверцу, стоя ко мне спиной. Потом вдруг резко обернулся и посмотрел мне в глаза. Он явно боялся меня.

Я не мог не улыбнуться. Его боязнь освободила меня от собственного страха.

– Я не вооружен, – тихо проговорил я. – Это не налет со

взломом.

Он не ответил. Затем вытащил из сейфа сверток. Содержимое было завернуто в газету «La Republique».

Я показал ему пленку на ладони вытянутой руки. Он развернул сверток – и я увидел пачки денег.

Потом он подошел к столу и стал считать деньги, а я внимательно наблюдал за ним. Сумма оказалась правильной – двадцать тысяч фунтов стерлингов.

Теперь, когда деньги лежали совсем рядом, мое безумное желание завладеть ими исчезло. Перспектива ограничиться этой суммой показалась мне жалкой. В этот момент мне захотелось иметь еще больше денег. Много, очень много денег.

Быстрыми движениями Мойзиш собрал деньги, положил их в сейф и запер его.

– Сначала я проявлю пленку, – сказал он твердым голосом. – Я не собираюсь покупать кота в мешке.

Я отдал Мойзишу пленку – и он быстро вышел из комнаты.

Я уже не помню, что происходило в моей душе в эти пятнадцать минут. Я, очевидно, боялся, что меня обманут – оставят у себя и пленку и деньги, а меня вышвырнут вон.

Казалось, прошла вечность, пока Мойзиш вернулся. Когда он наконец показался в дверях, лицо его было непроницаемым. Мы долго внимательно смотрели друг на друга, как бы взвешивая все «за» и «против». Но вот напряженность исчезла с лица Мойзиша.

– Хотите виски?

– Сначала деньги, – холодно ответил я.

На этот раз он не колебался и сразу же отдал мне деньги и вместе с ними клочок бумаги.

– Пожалуйста, подпишите расписку.

Сначала мне показалось, что я ослышался, но уже через несколько секунд разразился смехом. Смех этот избавил меня от последних остатков страха.

– Я не такой дурак, как вы думаете, – бросил я. Мойзиш внимательно посмотрел на неподписанную расписку и улыбнулся.

– Мы в большой степени бюрократы, – сказал он и порвал расписку.

Я сразу же осушил стакан виски. Мы пили друг за друга.

– «Лейку» и пленку, пожалуйста, – напомнил я. Мойзиш достал их из ящика стола и протянул мне.

– Что еще? – холодно спросил он.

– Да, в следующий раз, когда я вас увижу, прошу дать мне револьвер.

– А это зачем?

– Это мое условие.

– Хорошо.

– Ну, тогда до завтра, – проговорил я и повернулся, чтобы уйти.

– До завтра? – удивился Мойзиш.

– Да, у меня будет для вас еще одна пленка. Уже есть…

– Но у меня пока нет денег, – сказал он взволнованно.

Я пожал плечами:

– Что ж, заплатите позже.

Я ушел из немецкого посольства тем же путем, каким пришел сюда. Пролезая через отверстие в заборе, я уже был богатым человеком.

Мара не спрашивала, откуда у меня взялись деньги. Я купил ей одежду в самом фешенебельном магазине Анкары – на бульваре Ататюрка.

– А что, если кто-нибудь из наших знакомых увидит нас здесь? – забеспокоилась Мара.

Я успокаивающе махнул рукой.

Я купил Маре дорогие духи, о которых она давно мечтала, роскошное белье.

Она много пила, и иногда это вызывало у меня отвращение.

Мы сняли дом на холмах Каваклидере.

– Ты на турецкую секретную службу не работаешь? – както спросила меня Мара.

– Я никогда не говорил, что работаю. Это была твоя собственная идея.

– Я не хочу знать, откуда эти деньги.

– А я бы тебе все равно ничего не сказал.

Наш уютный домик был хорошо меблирован, устлан мягкими коврами. Холодильник всегда был полон, а из радиоприемника все время лилась танцевальная музыка. Ни один

кавас в Анкаре не имел собственного дома. Я не удержался и повесил на двери табличку со словами «Вилла Цицерона».

Однажды я поймал Мару роящейся в гардеробе и в ящиках стола.

– Деньги не здесь, – ехидно сказал я.

Пойманная с поличным, она нисколько не смутилась. Даже засмеялась и обняла меня.

Я хранил деньги в своей комнатке в английском посольстве – предпочитал больше полагаться на беспечность англичан, чем на Мару. Я прятал деньги под ковром и наслаждался, ступая по ним.

Моя вторая встреча с Мойзишем была короткой. Я отдал ему пленку, на которой были сняты документы Московской конференции, а он мне – револьвер.

– Вы служили у господина Енке? – спросил он.

– Если господин Енке говорит так, нет сомнения в том, что это правильно.

– Он утверждает, что вы были кавасом шесть или семь лет назад.

Это неверно. Шесть лет назад господин Енке был еще в Стамбуле. Я же был его слугой в Анкаре. Он, видимо, не хочет говорить, что я был у него слугой в посольстве. Брат его жены, Риббентроп, мог бы в таком случае выяснить, не обманывал ли я Енке так же, как обманываю сейчас английского посла.

– Господин Енке знает, о чем говорит, – ответил я Мой-

зишу.

– Господин Енке никак не может вспомнить ваше имя.

– Я искренне сожалею об этом, – спокойно ответил я.

– Ваше имя?

– Когда господин Енке вспомнит, я тоже вспомню.

Мойзиш явно хотел узнать, кто я такой.

Они дали мне кличку Цицерон – имя римлянина, известного своим красноречием. Господин фон Папен считал, что документы, с которыми я знакомил его, были так же красноречивы.

Однажды Мара нашла револьвер.

– Иногда ты меня очень пугаешь, Эльяс, – сказала она.

– Отныне называй меня Цицероном, – ответил я.

Она как-то глупо посмотрела на меня. Слово «Цицерон» еще могло бы для нее что-то значить, если бы это было название марки виски.

– Теперь для некоторых людей Цицерон – самое важное имя в мире, – сказал я ей.

Позже я узнал, что немцы долго сомневались в достоверности переданных мной документов. В Берлине отказывались верить тому, что я имел доступ к таким важным документам.

Однако много лет спустя я прочитал в мемуарах фон Папена:

«Достаточно было одного взгляда, чтобы сказать, что передо мной фотография телеграммы из английского мини-

стерства иностранных дел своему послу в Анкаре, Форма, содержание, фразеология не оставляли никакого сомнения в подлинности документа. Он состоял из серии ответов министра иностранных дел Антони Идена на вопросы сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессена, поставленные им в другой телеграмме, где он просил указаний, касающихся некоторых аспектов политики Англии, и прежде всего в отношении Турции».

Господин фон Папен ссылается здесь на телеграмму, сфотографированную мной в то самое время, когда он встретился с сэром Хью Нэтчбулл-Хьюгессеном на приеме у президента по случаю турецкого национального праздника.

Но Берлин долгое время не верил мне. Лишь много месяцев спустя, когда все кончилось, оказалось, что Берлин обманывал меня.

4

Количество банкнот под моим ковром быстро увеличивалось. Тридцать тысяч фунтов стерлингов, сорок пять тысяч, семьдесят пять тысяч… Я давно уже перестал считать пачки денег, которые передавал мне Мойзиш. Мне никогда и в голову не приходило, что немцы могут обманывать меня.

Я стал заботиться о своих руках и регулярно делал маникюр. После бритья в парикмахерской – я давно перестал бриться сам – мне всегда делали массаж лица.

К Маре я стал относиться с заметным презрением.

– Я так мало вижу тебя, – жаловалась она.

– Я очень занят, – отвечал я.

– Это неправда. Я видела, как ты входил в вестибюль гостиницы «Анкара Палас».

Мара стала ворчливой.

Собственно говоря, Мара уже мало чем могла мне помочь. Мне теперь незачем было ходить в дом мистера Баска. Все, что меня интересовало, находилось в посольстве в пределах моей досягаемости. Мара еще сильнее впала в уныние и стала пить еще больше.

– Тебе не следует так много пить, – говорил я ей.

– Не твое дело…

Мы теперь жили как кошка с собакой. Частые перебранки портили мне настроение, и потому я старался как можно

меньше попадаться ей на глаза.

Я теперь часами сидел в своей комнате в посольстве, положив ноги на желтый ковер и обтачивая ногти. Самый лучший портной Анкары сделал мне костюм, но я не мог рискнуть появиться в нем в посольстве. Я время от времени тайно надевал его и восхищался собой.

Я нередко думал о своем будущем и решил со временем переехать в Бурсу. Бурса находится у подножия горы Улудаг. Она основана еще Ганнибалом. Известна своими горячими источниками. Природа и климат Бурсы напоминают Швейцарию. Вот уж где действительно можно отдохнуть. Там никто не стал бы интересоваться моим происхождением.

В один из таких вечеров я впервые подумал о строительстве гостиницы в Бурсе.

Фотографирование секретных документов в английском посольстве тем временем стало для меня средством нервного возбуждения, своеобразным наркотиком. Я наслаждался игрой с опасностью и долгое время не верил, что когда-нибудь меня могут поймать.

Мара бомбардировала меня вопросами.

– На кого ты работаешь? Скажи, на кого ты работаешь? – настаивала она.

– Не твое дело.

Я покупал ей дорогие платья и духи и на ее благодарности реагировал холодно.

Время глубоких взаимных чувств друг к другу для нас ми-

новало.

Я продолжал фотографировать все, что попадалось мне под руку. В телеграмме № 1594 из министерства иностранных дел Англии в английское посольство в Анкаре говорилось:

> *«Напоминаем вам об обязательстве согласно протоколу, подписанному в Москве, вовлечь Турцию в войну до конца этого года».*

Эта телеграмма была подписана английским министром иностранных дел мистером Иденом, и я ненавидел его за это. Пусть они сами ведут и заканчивают эту войну, а Турция должна держаться в стороне. А что, если Бурса превратится в поле боя или станет объектом бомбардировки? Бурса, где я собирался построить гостиницу. Что для меня большие люди мира? Я мог бы приветствовать их как гостей в фешенебельном отеле, но как отправителей телеграмм, несущих смерть, я, кавас, проклинаю их.

Сэр Хью посетил министра иностранных дел Турции Нумана Менеменджоглу. Перед выходом из посольства я подал ему чистый носовой платок и серые перчатки. Какой ответ даст Нуман англичанам?

Этот ответ приводился в телеграмме № 875 из английского посольства в Анкаре в министерство иностранных дел в Лондоне. В ней говорилось:

> *«Менеменджоглу заверяет меня, что турецкое правительство предпримет определенные шаги в этом*

направлении, как только станет ясно, что высадка союзников на западе прошла успешно».

Все дипломаты смотрели на войну как на приглашение на пикник, куда приглашенный идет только после того, как убедится, что дождя не будет.

Фотографии этих телеграмм я передал Мойзишу. Теперь мы встречались в его автомобиле – «опель-адмирале». Он медленно ехал по заранее условленной улице, пока не замечал меня. Я быстро вскакивал в машину, и мы исчезали в кривых переулках.

Я, как правило, сидел притаившись на заднем сиденье с поднятым воротником пальто. Мы ехали через площадь Улусмайдан, самую оживленную площадь Анкары, где наш «опель-адмирал» двигался в потоке других машин и где следить за нами было просто невозможно. Яркие рекламные огни прорезали легкую дымку очи.

Я смотрел на затылок Мойзиша. «Когда-нибудь у меня будет собственный шофер», – думал я.

Улицы стали уже и тише. Я обернулся и посмотрел на улицу через заднее стекло. Когда убедился, что за нами никто не следует, закурил сигарету. Это значило, что вокруг все спокойно. Мойзиш облегченно вздохнул.

Я положил пленку на сиденье рядом с ним и взял приготовленную для меня пачку денег.

Затем он обычно начинал задавать мне вопросы. В этом отношении он напоминал мне Мару.

– Когда вы решили работать на нас?

– Два года назад. – Я говорил ему первое, что приходило мне в голову.

– Вы работаете один?

– Да.

– Берлин не верит, что один человек может сделать столько снимков. У вас должны быть помощники.

– Мои помощники – мои руки.

– Просто не верится, что секретные документы в английском посольстве так плохо охраняются.

– Они не валяются в посольстве. Чтобы добраться до них, нужно рисковать.

Мне всегда нравилось ездить в машине, но за это приходилось расплачиваться – терпеть вопросы Мойзиша.

– Ваше имя?

Я поймал его взгляд в зеркале и улыбнулся:

– Цицерон.

Он нахмурился и несколько минут молчал.

– Пожалуйста, высадите меня где-нибудь недалеко от английского посольства, – сказал я.

– А это не рискованно?

– Одним риском больше или меньше – какая разница?!

Мы повернули на бульвар Ататюрка.

– Почему вы работаете на нас?

– Потому что вы хорошо платите. Вы знаете об этом сами.

– Это единственная причина?

– Какие еще причины должны быть у меня?

– Я хочу знать действительные причины. – Его голос был настойчивым.

Я молчал. Его, видимо, беспокоило, что у меня не хватало идейности. Все немцы таковы.

– Скажите мне о действительной причине, – снова начал он.

Я выбросил флаг, который он хотел видеть развевающимся:

– Я ненавижу англичан.

Наконец я сказал то, что он давно хотел от меня услышать. Он кивнул в знак того, что всегда подозревал это. Вероятно, из уважения к моей большой ненависти к англичанам он несколько минут молчал.

Я играл на доверчивости Мойзиша. То, что я сказал потом, вырвалось из меня как мучительное воспоминание.

– Англичанин убил моего отца, – хриплым голосом проговорил я.

Мойзиш задумался. Теперь он имел подходящее объяснение моей шпионской деятельности – месть. Я перевел разговор на другую тему:

– Полагаю, вам не составит труда сделать копию ключа?

– Нет, – пробормотал он.

Я дал ему восковой слепок ключа от черного ящика, который ночью стоит на тумбочке сэра Хью.

– Для одного ящичка копию ключа я сделал сам, но этот

ключ очень трудный, – заметил я.

– Хорошо, посмотрю, – невнятно проговорил он. Мы ехали вверх по улице, в конце которой находилось посольство.

– Замедлите, пожалуйста.

Он сбавил газ.

– Я очень сожалею о том, что, задавая вам вопросы, напомнил вам о вещах, которые…

Для сотрудника немецкой разведывательной службы он проявил большую деликатность.

Я выпрыгнул из медленно движущейся машины, пробежал несколько шагов рядом о ней и захлопнул дверцу. Мойзиш увеличил скорость.

Я остался один на темной улице. Вздрогнул – и мороз пробежал по телу. Я почувствовал страх, страх от гнева моего отца, который умер своей смертью. Тополя на холме отбрасывали грозные тени, Я робко улыбнулся, пытаясь избавиться от страха.

К утру все страхи улетучились. Стоваттная лампа на моей тумбочке ярко освещала документы, касающиеся различных сторон войны.

Телеграммы и меморандумы, расшифрованные для сэра Хью, проходили через мою комнату. Ночью я вел странный разговор с сильными мира сего, чьи имена фигурировали в документах.

Позже в своих мемуарах Черчилль писал:

«Если бы нам удалось склонить Турцию вступить в

войну, то стало бы возможным, не отвлекая ни одного солдата, ни одного корабля и ни одного самолета от главных и решающих сражений, доминировать над Черным морем, используя лишь подводные лодки и легкие корабли, оказывать помощь России и доставлять снабжение ее армиям путем менее дорогим и более быстрым, чем Арктика или Персидский залив».

Вот к чему сводилась проблема. Я узнал о ней во всех деталях из телеграмм, которые сфотографировал. Иногда эти детали были мне непонятны, но зато в других документах обстановка анализировалась со всей откровенностью.

Кодовое наименование операции «Оверлорд» все чаще и чаще появлялось перед объективом моего фотоаппарата. Со временем я понял, что это наименование может относиться только ко второму фронту, открытия которого требовали русские от своих союзников, ко второму фронту, который вошел в историю как вторжение во Францию.

В одной из телеграмм говорилось:

«Если Турция вступит в войну на нашей стороне, освободятся эскортные суда, столь необходимые для операции „Оверлорд“».

Тегеранская конференция проходила с двадцать восьмого ноября по первое декабря тысяча девятьсот сорок третьего года. Русские требовали, чтобы после окончания войны немецкий генеральный штаб был ликвидирован.

Черчилль сказал, что в связи с проведением операции

«Оверлорд» его беспокоит не столько сама высадка, сколько то, что может произойти месяцем позже, после того как немцы соберут силы и средства для нанесения контрудара. В этот период Красная Армия должна сковать силы немцев на Восточном фронте, в то время как западные державы сделают это в Италии. Если бы турки избрали этот момент для вмешательства, победа союзников была бы обеспечена.

В телеграмме сэру Хью из министерства иностранных дел говорилось:

> *«В Египте дислоцируется семнадцать эскадрилий. Они необходимы для противовоздушной обороны в том случае, если турки почувствуют, что им угрожает немецкая авиация. Кроме того, на территории Турции могут быть размещены три полка зенитной артиллерии».*

Черчилль заявил по этому поводу следующее:

> *«Нам нужны авиационные базы в Смирне и Бадраве… Когда получим их и разместим там эскадрильи, прогоним немцев в воздушном пространстве… Немецкие гарнизоны на островах мы должны уморить голодом. Если Турция примет в войне активное участие, острова сдадутся сами по себе. В таком случае не придется атаковать даже Родос. Гарнизоны островов должны снабжаться немцами, и, если мы будем иметь авиационное прикрытие с турецкой территории, наши эсминцы перехватят немецкие конвои, что невозможно сделать теперь из-*

за того, что немцы господствуют в воздухе. Турецкие базы дадут нам возможность оказывать постоянное давление на Германию. Это и будет подготовкой к операции „Оверлорд“».

Итак, немцы знали, что их противники думали и планировали.

В своей комнате я вел воображаемый разговор с государственными деятелями мира.

Какое отношение, спрашивал я самого себя, имеет ко мне операция «Оверлорд»? Если одна-единственная немецкая бомба упадет на Анкару и попадет в меня, какая польза будет мне от ваших семнадцати эскадрилий в Египте?

Я знал, что в английском посольстве в Анкаре имелся подвал. Вполне вероятно, что это было бомбоубежище.

Какая мне польза, думал я, от того, что на острове Родос немцы умрут от голода? Голод может прийти и в Турцию.

Каждый новый день жизни был для меня интересным спектаклем, который, однако, я должен был смотреть до конца. Одним из главных действующих лиц был английский посол, которого я, кавас, будил каждое утро в половине восьмого. Другим действующим лицом была леди Нэтчбулл-Хьюгессен, жена посла, которая едва замечала приветствие каваса, когда проходила мимо него по коридору. Кавас гладил брюки посла, готовил ему ванну. Роль каваса играл я.

Все мы были тенями: двигались, не замечая друг друга. Какой же странной была жизнь!

Я направлялся в комнату посла. Его там не было, в руках у меня был пылесос. Он служил мне пропуском для прохода на чужую территорию.

Телефон в кабинете сэра Хью был единственным, не подключенным к коммутатору.

Я набрал номер немецкого посольства и попросил к телефону Мойзиша.

– Говорит Пьер, – начал я. Он знал, что это означало очередную встречу.

– Как насчет завтрашней игры в бридж? – Это означало свидание в десять часов вечера сегодня на месте, обусловленном во время предыдущей встречи.

– А нельзя выбрать другое время? – неожиданно спросил он.

– Нет.

Молчание.

– Где я могу вас найти? Можно ли вам позвонить?

Я усмехнулся:

– Конечно. Звоните хоть сейчас. Я в кабинете шефа. Сказать вам номер телефона?

Мойзишу потребовалось всего несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– Вы болтун, – пробормотал он. – Хорошо, договорились. Будем играть в бридж завтра.

Мойзиш бросил трубку так резко, словно обжег пальцы об английский телефон.

Я спокойно положил трубку и стер пыль с телефона, чтобы у сэра Хью не было причины упрекнуть своего каваса в пренебрежительном отношении к своим обязанностям.

Мы встретились в районе Какатепе, на углу улицы Акай. Мойзиш рвал и метал.

– Вы, должно быть, сошли с ума, позвонив по личному телефону посла! – резко сказал он.

– Езжайте прямо, – спокойным голосом проговорил я.

Он ехал так, будто хотел сорвать зло на машине.

– Гораздо хуже уйти из посольства в такое время дня, когда я по долгу службы должен работать с пылесосом.

– А если бы вас застали за телефоном?

– Сказал бы, что разговариваю с девушкой. Если бы я сказал, что говорю с немцем, мне никогда не поверили бы. – С моей точки зрения, это звучало вполне логично. – Ничего со мной не случится, – сказал я, усаживаясь поудобнее на заднем сиденье.

Я передал ему катушку фотопленки, а он протянул мне деньги. Через несколько минут Мойзиш дал мне сделанную по моей просьбе копию ключа от черного ящичка.

– Думаю, подойдет, – пробормотал он.

– Испробую его сегодня же вечером, – спокойно ответил я.

Он как-то странно посмотрел на меня.

– Иногда из-за вас меня бросает в дрожь, – заметил Мойзиш.

Я улыбнулся. Мне было приятно, что иногда я производил на него такое впечатление.

Мы ехали по темным, пустынным улицам. Вдруг позади нас мелькнул свет. Я опустил боковое стекло. Прохладный воздух освежил нас.

– Почему англичанин убил вашего отца?

Вопрос Мойзиша застал меня врасплох. Я стиснул зубы: «Почему он продолжает донимать меня своими вопросами?»

– Это никого не касается.

– Берлин хочет знать, – тихо сказал он. – Там до сих пор не верят вам до конца.

– Мне все равно.

Вдруг нас ослепил яркий свет фар машины, шедшей позади.

– Теперь, когда мы знаем, почему вы работаете на нас, Берлин по-другому стал смотреть…

– Какое отношение имеет ко всему этому смерть отца? Ведь я мог наврать вам?..

– А я и не верю вам. Так почему же англичанин убил вашего отца?

– Его застрелили. Это был несчастный случай, который произошел на охоте, – сказал я. – В горах Македонии. Следствие по данному делу было прекращено.

Чтобы избавиться наконец от его вопросов, я сказал первое, что пришло мне в голову.

– Вам известно имя этого англичанина?

– Я никогда не видел эту свинью, но знаю его имя.

В этот момент Мойзиш остановился у тротуара.

– Что случилось?

Он не ответил. А через минуту поехал снова и повернул на соседнюю улицу. Эта улица была пуста. В окнах – ни огонька. Этот бедный квартал должен был быть благодарен ночи за то, что она прикрыла его нищету. Яркий свет фар неизвестной машины отразился в находившемся передо мной зеркале. Мойзиш изо всех сил погнал машину. Мною же овладел смертельный ужас.

– Нас преследуют! – воскликнул я.

По тому, как сидел Мойзиш, можно было заключить, что и он сильно волновался. Он на полном ходу завернул за угол. Машину со скрежетом бросило в сторону.

– Теперь вы понимаете, почему не следовало звонить по телефону посла?! – почти закричал он.

Мойзиш сбавил скорость. Машина, идущая за нами, тоже пошла медленнее. Когда Мойзиш остановился, преследующая нас машина тоже стала. Затем началась бешеная ночная погоня за нами. Мы никак не могли оторваться от преследователей.

«Я нарушил покой мертвого ложью и теперь должен заплатить за это страхом», – думал я.

– Если всему конец, вина ваша! – закричал на меня Мойзиш.

В какой-то степени я сознавал свою вину.

– Но они следят не за мной. Ведь нас стали преследовать не сразу. Это следят за вами, – заметил я.

С головокружительной скоростью мчались мы по узким, кривым улицам, рискуя разбиться.

– Поезжайте к английскому посольству! – закричал я. – Я выскочу, как только вы завернете за угол.

Мойзиш не ответил, но повернул к холмам Канкайи, где находилось английское посольство.

Я надеялся, что неизвестные преследуют Мойзиша, а не человека, который сел в машину на улице Акай. Однако надежда была слабой. Страх, что моей игре пришел конец, оказался сильнее.

– Готовьтесь выпрыгнуть!

Взволнованный голос Мойзиша заставил меня вздрогнуть. Впереди в свете фар показался переулок. Мойзиш круто повернул вправо. Я сжался в комок. Затем он так сильно затормозил, что мы чуть не вылетели из своих сидений. Я рывком открыл дверцу и выпрыгнул из машины. Упав на мостовую, я несколько раз перевернулся и через мгновение очутился у забора.

Еще не угас звук машины Мойзиша, когда мимо промчались преследователи.

Но в машине был только один человек. На какую-то долю секунды мне показалось, я увидел лицо этого человека. Молодое холеное лицо.

Прошло какое-то время, прежде чем я пришел в себя и привык к зловещей тишине. Где-то в темноте ночи продолжалась погоня. Я же был один.

Тогда я не знал, что смогу узнать это лицо среди тысячи других.

Усталый и измученный, я повалился на кровать. Голова у меня трещала.

А что, если они подозревают меня? Знает ли человек с молодым холеным лицом, кого он преследовал? Знает ли сэр Хью, чем я занимаюсь? Если да, то как он узнал об этом? Зачем я вернулся в посольство? Может быть, лучше было бы убежать отсюда и спрятаться?

Я так и не нашел подходящих ответов на эти вопросы. Теперь надо было найти какой-то способ избавиться от страха.

В руках я сжимал копию ключа от черного ящика. В какое-то мгновение мне захотелось выбросить его в окно. Но я знал, что никогда не сделаю этого. Стремление испробовать ключ оказалось сильнее.

Но почему вдруг у меня возникло такое стремление? Тяжело дыша, я встал. Руки и ноги не подчинялись мне. Приготовив фотоаппарат, я ввернул в патрон стоваттную лампочку. Медленно, автоматически. Ловкость, которой я так гордился, исчезла.

Вышел в коридор. Тишина. В одних носках прошел мимо портрета короля Георга VI.

В тот момент я не мог действовать иначе. Страх, однако,

не покидал меня.

Бесшумно, без всяких колебаний открыл дверь спальни посла, закрыл ее за собой и направился к кровати. Остановился, чтобы послушать дыхание посла. Затем подошел к тумбочке, на которой стоял черный ящик.

Итак, я был в логове льва. Посол в любую минуту мог открыть глаза. Я не осмеливался посмотреть даже в его направлении, боясь истерически закричать.

Узкая полоска слабого света перерезала черный ящик. Видимо, окна были неплотно задернуты шторами.

Я вставил ключ в замочную скважину и повернул его. Ящик открылся мягко и бесшумно. Я нащупал бумаги и взял их. Возле ящика стоял стакан с водой. Теперь он был пуст. Посол, видимо, принял снотворное. А что, если он хочет заманить меня в ловушку? Но в тот момент я был не в состоянии раздумывать над такими вещами.

Вскоре я вышел из спальни.

Вернувшись в свою комнату, я посмотрел на документы – и внезапно все мое тело пронизала дрожь. Я лег на кровать и стал ждать, пока перестанут дрожать руки.

Был ли посол в постели? Или постель была пуста? Ответить на этот вопрос я не мог.

Я сфотографировал документы, но вникнуть в их содержание не смог. Только одна фраза проникла в мое сознание. Я узнал почерк сэра Хью. Это была телеграмма, составленная им самим. Завтра утром ее должны были зашифровать

и отправить в министерство иностранных дел в Лондон.

Я прочитал следующее: «Папен знает больше, чем следует знать».

Итак, они знают, что Папену известно многое… Но знают ли они, откуда ему все это известно?

Выключив свет, я понес документы в спальню посла. Вдруг мне отчетливо представилось, что посол все знает, и я похолодел.

Открыв дверь, прислушался. Из глубины комнаты доносилось ровное дыхание спящего человека. Полоска света, которая пробивалась через неплотно задернутые шторы, пересекала кровать. Я увидел бледное, утомленное лицо посла.

Я быстро положил бумаги обратно в ящик – и затем случилось нечто ужасное. Вынимая ключ из замочной скважины, я задел стоявший рядом стакан, который упал на пол и разбился на мелкие кусочки.

Я похолодел. Но удивительно: в тот момент я не испытывал ни страха, ни чувства ужаса. Я наклонился и заглянул спящему в лицо.

Сэр Хью шевельнулся и опять затих. Я пристально смотрел на него, и мне казалось, что во сне он ощущал нависшую над ним угрозу.

5

С некоторых пор я начал подозревать Мару. Высокомерие и презрение, с которым я относился к ней, должны были показать ей, как мало значила она теперь для меня.

Мы сидели у себя дома. Все комнаты нашего домика буквально утопали в цветах. Где-то пела слепая канарейка. Продавец сказал нам, что канарейки поют лучше, когда они слепые. Был у меня и кальян, купленный Марой на мои деньги. Приятная музыка, льющаяся из приемника, щебетание канарейки, покрытый пылью кальян и непременно бутылка виски под рукой – таков был домашний уют в представлении Мары.

Я тщательно изучал ее, стараясь найти какие-нибудь признаки того, что она предала меня.

А что, если она выдала меня мистеру Баску? Возможно, она не сказала ему всего, но намекнула, что знает кое-что.

Все, что она хотела сделать, – это по-женски отомстить мне. Но для меня это могло иметь гибельные последствия.

– Как чувствует себя ребеночек Басков? – спросил я, делая вид, что меня это очень интересует.

– Хорошо, – коротко ответила она.

Мара очень изменилась. Бывало, она без умолку рассказывала мне о ребенке, стараясь отвлечь меня. Теперь же она как-то странно смотрела на меня. Или это мне показалось.

– У тебя неприятности с послом? – неожиданно спросила она.

Ее вопрос ошеломил меня. Я пристально посмотрел на нее, пытаясь угадать, что она имеет в виду.

– Нет, – ответил я. – Почему они должны у меня быть?

– Ты какой-то странный в последнее время.

Она говорила это не глядя на меня, полируя ногти.

Когда-то ее руки восхищали меня. Теперь же они казались мне костлявыми. Ее глаза, некогда голубые, стали пустыми и невыразительными, а грубый голос потерял для меня всякое очарование.

– Ничуть не странный, – сердито проговорил я.

У меня на самом деле не было никаких неприятностей с послом. Утром, как и обычно, я вошел к нему в спальню. Раздвинул шторы, пожелал ему доброго здоровья и подал апельсиновый сок.

На полу лежали осколки стакана. Если бы я убрал их ночью, сэр Хью догадался бы, что ночью в комнате кто-то был.

Он выпил апельсиновый сок. А когда ставил стакан на тумбочку, увидел на полу осколки разбитого стакана.

Я заволновался. Сэр Хью нахмурил брови, словно пытаясь что-то вспомнить.

– Я, видимо, разбил его во сне, – проговорил он.

Я сделал вид, что заметил разбитый стакан только сейчас, поспешно нагнулся и начал собирать осколки.

– Смотрите не порежьте себе пальцы, – сказал он мне и

начал читать утренние газеты, которые я ему принес.

Весь этот день я внимательно наблюдал за сэром Хью, но ничего необычного в его поведении не заметил. Правда, я знал, что днем он послал в Лондон телеграмму, которую я сфотографировал прошлой ночью.

Почему он не подает вида, что знает что-то? Ему следовало бы удивляться, откуда это фон Папен берет такие сведения. Он должен был бы почувствовать недоверие к людям, которые окружают его. Если бы он стал задавать мне вопросы, пытаясь уличить меня во лжи, и если бы он хоть чем-нибудь выдал свое подозрение, это выглядело бы естественнее, чем его теперешнее обычное отношение ко мне.

Сэр Хью был дипломат. Он всю жизнь вынужден был контролировать свои чувства. Он научился всегда быть хладнокровным и вежливым – на пикниках, во время объявления войны, при смене правительства. Но так или иначе, его невозмутимость вывела меня из себя.

Ужасное состояние неопределенности раздражало меня, и я срывал зло на Маре.

– Ты когда-нибудь кончишь чистить ногти? – вырвалось у меня.

Мара, ничего не ответив мне, расставила пальцы и подула на них.

– Хотела бы я знать, что это на тебя нашло, – недовольно сказала она и задвигалась на стуле, усаживаясь поудобнее.

Это окончательно вывело меня из терпения. Но я взял се-

бя в руки и, чтобы отвлечься, решил позвонить Мойзишу и встретиться с ним.

На этот раз мы встретились на улице. Вокруг все было спокойно, и я влез в «опель».

– Как вы добрались? – спросил я Мойзиша.

Он пожал плечами и недоверчиво осмотрелся, как бы не веря, что вчерашнего преследователя здесь нет.

– Он исчез, – ответил он.

Какое же найти объяснение этому? Как человек мог заметить, что меня в машине больше нет? Он определенно хотел узнать, кто я, но на этот раз у него ничего не вышло. Другими словами, ничего страшного не произошло.

Я передал Мойзишу пленку.

– Я проник в спальню посла, – едва слышно произнес я, стараясь произвести впечатление. – Все это не так уж сложно. Он ведь, как и обычно, принял снотворное.

– Что?! – воскликнул Мойзиш. – Вы фотографировали этой ночью?

– А почему бы нет? У англичан нет оснований считать, что в посольстве есть шпион, работающий на немцев. И все-таки, что же произошло?

Мойзиш связал мой вопрос со вчерашним преследованием.

– Может быть, вы и правы, – заметил он. – Вполне возможно, что они и не подозревают ни о чем, а вчерашняя погоня за нами – чистая случайность. Человек, может быть, как

следует выпил и стал преследовать нас просто так, из-за чудачества. Не исключена возможность, что я попал под обычное наблюдение. Не думаю, чтобы англичане в самом деле верили, что я торговый атташе.

– Я имею в виду не вчерашнее преследование, – сказал я, – а телеграмму, которую вы прочтете, когда проявите пленку.

Я рассказал Мойзишу о замечании английского посла. Но он не мог сказать мне, что же так насторожило англичан.

Мойзиш не смог найти правдоподобного объяснения, чтобы прогнать все мои страхи.

Объяснение я нашел много лет спустя в мемуарах фон Папена. Он, оказывается, отправился к турецкому министру иностранных дел Нуману Менеменджоглу, имея сведения, полученные от меня. Фон Папен был дипломатом и политиком. Он ясно представлял себе общую картину событий и, конечно, должен был предпринять что-то. Он, очевидно, хотел сделать предупредительный выстрел, чтобы помешать туркам осуществить их намерение присоединиться к англичанам. Я, конечно, не знал этого. Из-за сомнительной репутации меня боялись вовлечь в большие дела государства. Фон Папен писал следующее:

> *«Ряд английских телеграмм вынудил меня немедленно обратиться к Нуману. Мне нужно было только напомнить о телеграмме, в которой предлагалось установить радарные установки в европейской Фракии, с тем чтобы английские*

бомбардировщики могли бомбить румынские нефтяные вышки с еще большей точностью. С моей точки зрения, тогдашняя ситуация требовала немедленного и решительного вмешательства. Поэтому я должен был дать Нуману понять, что у меня имеются кое-какие сведения об английских планах на этот счет. Я рассказал ему, что английский военно-воздушный атташе или его коллега намекнул об этих планах представителям нейтральных государств. Моей обязанностью было привлечь его внимание к той серьезной опасности, которая может возникнуть, если о размещении этих радарных установок станет известно Берлину. Если это случится, я вряд ли смогу предотвратить налет немецкой авиации на Стамбул. Нумана очень удивила обширность моих сведений. Пораженный всем этим, он поведал содержание нашего разговора английскому послу. На следующий день на моем столе лежала телеграмма, в которой сэр Хью сообщал об этом в министерство иностранных дел! „Папен знает больше, чем ему следует знать“».

Итак, сам Папен насторожил дремлющих англичан.

Но в то время я, конечно, не знал об этом. Мне не было известно, что предпринял Папен. Все, что я знал и чувствовал тогда, так это страх, панический страх.

Я попросил Мойзиша подвезти меня к моему домику. Мара сидела в кресле и занималась своими ногтями, окруженная канарейкой, кальяном, цветами и виски. Идиллическая картина. От всего этого кровь закипала в моих жилах.

– Только что получил письмо от родственника, – сказал я ей.

– Ну и что?

Ей это было неинтересно, и она продолжала заниматься своими ногтями и слушать музыку. Из приемника лилась «Жизнь в цвету» – модная французская песенка.

В то утро я получил письмо от своего дальнего родственника – Мехмета.

«Дорогой Эльяс, все мы надеемся, что ты пребываешь в полном здравии», – писал он. Письма от родственников, которые не писали тебе целую вечность, но которые хотят чего-нибудь от тебя, начинаются именно так.

«Ты помнишь нашу маленькую Эзру? – продолжал Мехмет. – Она хорошо учится, и мы очень довольны ею. Отметки у нее отличные…»

В письме было много о маленькой Эзре, которую я никак не мог вспомнить. Когда я последний раз видел кузена Мехмета, у него было много маленьких дочерей.

«Сможешь ли ты что-нибудь сделать для Эзры в Анкаре? Мы будем очень благодарны тебе. Она ведь кончила коммерческий колледж…»

Я отложил письмо в сторону и перестал думать о нем.

Родственники никогда не интересовали меня. Кузен Мехмет, видимо, думал, что если я работаю в посольстве, то могу творить чудеса.

Я посмотрел на Мару и злобно усмехнулся.

– Мы освободим одну комнату, – обратился я к ней. – Эзра будет жить с нами.

– Кто эта Эзра? – недовольно спросила она.

Я ухмыльнулся:

– Родственница. Я и сам едва помню ее. Она кончила школу и…

– Она приедет и будет жить здесь?

Мара рассуждала так, будто это был ее дом.

– Я должен помочь ей, – спокойно ответил я. – Она дочь моего кузена, которому я многим обязан.

В действительности я ничем не был обязан Мехмету.

– Что ей здесь нужно?

– О небо! Откуда я могу знать это? Анкара – как-никак столица. Девочка хочет стать на ноги. У меня есть связи, и я могу помочь ей.

Первые дни после этого разговора Мара буквально кипела от злости и стала очень ревнивой. Потом успокоилась и начала убеждать, что Эзра будет мешать нам в нашем маленьком уютном гнездышке.

Я слушал нежные причитания Мары, но уши мои были словно заложены ватой.

То, что она говорила, звучало правдиво. Она, видимо, еще любила меня и не могла предать.

Дышать стало легче. Вместе с симпатией к Маре ко мне вернулись уверенность и чувство превосходства.

Однажды, когда мы слушали музыку, Мара тихо, будто

невзначай, сказала:

– Эзра не приедет сюда и не будет здесь жить. Ты работаешь на немцев. Теперь я знаю все.

Мара угрожала мне.

Я сильно ударил ее по лицу.

Случилось так, что Мара подслушала разговор между мистером Баском и его женой. Первый секретарь, как и все сотрудники посольства, был обеспокоен. Он рассказал жене, что немцы, наверное, имеют прекрасный источник информации, возможно, даже в личной резиденции посла.

Мара сразу все поняла.

Я вытащил из нее по капле все, что она знала.

– Я подслушала этот разговор совершенно случайно и клянусь тебе, что это все, что мне известно, – сказала она.

Я не знал, верить ей или нет.

Она клялась в своей любви и уверяла, что у нее не было намерения угрожать мне или шантажировать меня и что она рассказала все, что знала.

Я мучил ее своим недоверием, но так и не смог ни избавиться от страха, ни убедиться в том, что она теперь мой враг.

Когда на следующее утро я шел на работу в посольство, то заметил на другой стороне улицы высокого, стройного человека, который поглядывал на вход в посольство. Он закуривал, прикрыв спичку ладонями. Может быть, он пытался спрятать свое лицо? Или наблюдал за мной? У него было мо-

лодое неприятное лицо. Лицо моего преследователя. Я впал в панику.

Я стал терять самообладание, и все попытки взять себя в руки были напрасны.

Я свернул ковер в своей комнате. Деньги были расстелены по полу как другой ковер, самый дорогой, какой только можно представить. Я поднял несколько банкнот и похрустел ими.

Иногда я думал, что оставлять деньги под ковром рискованно. Можно было хранить их под ступеньками в подвале, где вынимался камень, но моя гордость, а также мысль, что кто-нибудь может случайно найти их, удержала меня от такого шага. К тому же я имел удовольствие каждый вечер смотреть на них.

Я проклинал свою неспособность принять определенное решение. Я также проклинал и свой страх, для которого я не мог найти оправдания.

На кухне я встретился с Маноли Филоти. Заставил себя улыбнуться.

– Что ты скажешь об отце, который хочет доверить мне свою дочь? – спросил я его.

В горшке у Маноли лежала курица.

– Сколько девушке лет?

– Ей, должно быть, около семнадцати.

– В таком случае ее отец самый настоящий дурак, – заключил Маноли с ухмылкой.

– Посмотри, может быть, тебе удастся устроить ее служанкой у леди Нэтчбулл-Хьюгессен, – вмешался в разговор Мустафа.

– Неплохая идея, – сказал Маноли с улыбкой. – Я всегда ночую дома, она вполне может спать в моей комнате.

– И в какой-то вечер ты наверняка не пойдешь домой, – заметил я.

Мы продолжали шутить. Я громко смеялся.

– Твоя Эзра красива? – спросил Маноли.

– В семнадцать лет трудно быть другой, – ответил я. – Я и вправду поговорю с леди Нэтчбулл-Хьюгессен.

Только после этих слов я понял, что действительно было бы неплохо найти для Эзры работу в посольстве. Она могла бы стать моей помощницей.

– Она может оказаться полезной для всех нас, – сказал я, улыбнувшись.

Маноли и Мустафа ухмыльнулись.

Теперь я не переставал думать об Эзре, и это связывалось с мыслью, что угрожающие тени существовали только в моем воображении и что нет причины не продолжать начатое.

В одно прекрасное утро я отправился к леди Нэтчбулл-Хьюгессен.

Я рассказал ей, что одна моя родственница, молоденькая девушка, на днях приезжает в Анкару и ей негде остановиться. Не нужна ли она случайно леди Нэтчбулл-Хьюгессен?..

Она холодно выслушала меня. Служанка ей не нужна, но

девушка на несколько дней может остановиться в посольстве, пока не найдет чего-нибудь подходящего. Она сказала это с видимым безразличием.

– Очень благодарен вам, мадам, – сказал я и, поклонившись, вышел из комнаты.

Во время разговора с леди Нэтчбулл-Хьюгессен я тщательно изучал ее. Как жена посла будет реагировать на мою просьбу? Но было ясно, что она ни в чем меня не подозревала. Никто не знал, что Цицероном был я. В тот день я чувствовал себя на седьмом небе. После второго завтрака посол, как и обычно, играл на рояле. В тот день он позвонил и спросил стакан фруктового сока. Я принес его и несколько минут почтительно слушал музыку.

– Ваше превосходительство, вы прекрасно играете, – позволил себе заметить я.

– Благодарю вас, – ответил он с улыбкой.

Я закатил глаза и, приложив руку к сердцу, начал петь арию из «Летучего голландца».

Как я уже сказал, в тот день я чувствовал себя на седьмом небе. В середине фразы я остановился с виноватым выражением лица.

– Извините меня, ваше превосходительство.

Сэр Хью улыбнулся и кивнул.

– У вас неплохой голос. Похоже, что вы учились.

– Да, ваше превосходительство, я учился в стамбульской консерватории.

Сэр Хью взял несколько аккордов и улыбнулся. Я сразу узнал знакомую мелодию. Положив руку на рояль, я запел:

In einem Bächlein helle, da schoss in froher Eil,
die launische Forelle vorüber wie ein Pfeil…

Посол аккомпанировал превосходно. Он вел мой голос, как настоящий музыкант.

Нет, он, конечно, не подозревает меня.

Ich stand an dem Gestade und sah in süsser Ruh,
das muntere Fischleins Bade im klaren Wasser zu.

Музыка унесла нас далеко-далеко. Комнату заполнили чудесные звуки.

Doch plötzlich war das Wasser trübe,
und eh'ich mich's versah…

Песня кончилась. Каждый из нас расточал комплименты другому. Выйдя из гостиной с пустым стаканом, я решил, что у меня нет причин бояться посла.

Он играл более часа. Музыка разливалась по всему дому. За это время я успел сфотографировать несколько документов. В одном из них упоминалось, что 14 января 1944 года должен быть произведен налет авиации союзников на Софию.

Выйдя из своей комнаты, я неожиданно натолкнулся на Мару. Посол все еще играл.

Она стояла у служебного входа с коляской, в которой барахтался ребенок Басков.

Я строго посмотрел на нее: она ведь никогда раньше не бывала здесь.

Мара склонилась над ребенком:

– Вот где работает твой папочка…

По-прежнему склонившись над ребенком, она взглянула на меня. Я заставил себя улыбнуться и сделал вид, что заинтересовался ребенком, и даже поиграл с ним двумя пальцами.

– Какая ты стала большая! – воскликнул я. Мара заулыбалась.

Затем тихим, сдавленным голосом она сказала, что слышала, как мистер Баск сказал жене, что из Лондона только что прибыли несколько агентов секретной службы.

Я потрепал щечку ребенка, и Мара медленно пошла за коляской.

Итак, она предупредила меня.

Я потерял счет времени с тех пор, как начал играть в опасную игру. Тогда была осень, а теперь уже зима. Я не замечал, как одна за другой бежали недели. Для меня все дни были похожи один на другой. Я жил в постоянном нервном напряжении. У меня в жизни не было ничего, кроме безумной жажды денег, риска и страха.

Стоял январь. Тепло укутанный ребенок с румяными от мороза щечками напомнил мне о том, как быстро идет время.

Я поспешил в свою комнату, собрал деньги, пленку, приспособления для фотографирования, прикрыл все это фраком посла, к которому пришил несколько пуговиц, и спрятал все это под лестницей.

Теперь, когда под ковром денег не было, я впервые почувствовал ничтожность всего того, что я сделал.

Мара предупредила меня вовремя.

Когда сэр Хью позвонил мне, в его кабинете находились еще три человека. Когда я вошел, двое оценивающе посмотрели на меня и потом долго, внимательно рассматривали меня с профессиональным недоверием. Третий сидел на корточках в углу. Там находился хорошо замаскированный сейф, который он, видимо, исследовал.

– Принесите, пожалуйста, нам кофе, – сказал сэр Хью. Тон его голоса был, как и обычно, дружелюбный.

Интересно, думал я, эти три агента только что прибыли или же давно находятся в доме? А что, если сэр Хью просто умышленно задержал меня в гостиной у рояля, чтобы эти люди могли спокойно обыскать мою комнату?

Когда я подавал им кофе, все они, как мне показалось, испытующе смотрели на меня.

– Сколько времени вы уже служите у меня, Эльяс? – по-французски спросил меня сэр Хью.

– Три месяца, ваше превосходительство.

– Я им очень доволен, – пояснил он по-английски. Все трое молчали.

Один из них сказал мне по-английски:

– Принесите молока, пожалуйста.

– Хорошо, – ответил я.

– И сахару, – добавил он по-немецки.

Я уже собирался дать понять ему, что понял его, но в последний момент сообразил, что это была ловушка. Я тихо сказал по-французски:

– Прошу извинить меня, сэр, я с трудом понимаю по-немецки. – Я посмотрел сэру Хью прямо в глаза и добавил: – Я только знаю слова из некоторых немецких песен, но не знаю, что они означают.

Сэр Хью подтвердил это взглядом.

– Принесите еще сахару для джентльмена, – сказал сэр Хью по-французски. Он, как я понял, не одобрил подобных неделикатных методов, которыми пользовалась секретная служба.

Я принес сахар, хотя его и без того было вполне достаточно. Мне с трудом удавалось сдерживать дрожь своих рук.

Я назначил свидание с Мойзишем.

Чтобы связаться с ним по телефону, мне пришлось затратить в этот раз больше времени, чем обычно. Вероятно, у Мойзиша был новый секретарь.

– Говорит Пьер. Могу ли я поговорить с господином Мой-

зишем?

– С кем вы хотите говорить?

– С господином Мойзишем. Скажите ему, что с ним хочет поговорить Пьер.

У нее был приятный, чистый голос, но, видимо, замедленное восприятие.

– Пьер? – спросила она с улыбкой. – Какой Пьер?

Вероятно, ей хотелось пофлиртовать с неизвестным абонентом, но у меня было неподходящее для этого настроение.

– Просто Пьер, – серьезно сказал я. – Соедините меня, пожалуйста.

– Хорошо, – недовольно сказала она.

У нее в самом деле был очень приятный голос, и я даже пожалел о своей резкости.

– Я сегодня не в форме, – пробормотал я, но в ответ услышал голос Мойзиша, и мы договорились о встрече.

Мы, как и обычно, ехали по пустынным улицам.

– Они пустили по следу своих агентов, – сказал я Мойзишу.

– Вы уверены?

– Да. Их специально пригласили из Лондона!

– Тогда все усложняется. Вы, видимо, захотите на какое-то время прекратить свою работу?

Я пожал плечами:

– Надо выждать. Они обыскали комнаты всех слуг.

– Значит, не только вашу?

– Я не знаю, были они в моей комнате или нет. Но Мустафа жаловался, что кто-то рылся в его вещах. В моей комнате они не оставили никаких следов.

– Значит, у них пока нет подозрений.

– Фотоаппарат и деньги надежно спрятаны.

Я протянул Мойзишу пленку, а он вручил мне деньги, полагая, что это, может быть, в последний раз.

– Один из них обследовал замаскированный сейф в кабинете сэра Хью, – сказал я.

Мойзиш внимательно посмотрел на меня.

– В таком случае, они даже не знают, каким образом происходит утечка их секретов, – сказал он, ободряюще улыбаясь.

– Почему вы так думаете?

– Потому что они, по всей вероятности, ищут спрятанные микрофоны. Если они обследовали сейф, значит, они подозревают, что где-то скрыты микрофоны. Они и не предполагают, что в данном случае следует искать фотоаппаратуру.

Его предположение несколько успокоило меня. Нервы мои были напряжены до предела, и я готов был ухватиться даже за соломинку.

Я нервно засмеялся:

– И сэр Хью, и я немножко нервничаем. Но у каждого на то свои причины. Сегодня мы музицировали, и это придало нам обоим силы идти вперед каждому своей дорогой.

Мойзиш как-то странно посмотрел на меня. Он, видимо,

решил, что я схожу с ума. Я ухмыльнулся.

– Я пою, а он аккомпанирует мне на рояле. Если эти ребята найдут спрятанный микрофон и проиграют запись, вот будет потеха.

Эта мысль позабавила нас обоих. Когда мы прощались, я сказал:

– Пожалуйста, извинитесь за меня перед вашей секретаршей. Я был с ней довольно резок. Это новая девушка, не так ли?

– Да. Она только что приехала из Софии.

– Ей повезло.

– Почему?

– Посмотрите на один из кадров пленки. Через неделю на Софию будет произведен сильный налет.

Выйдя из машины, я направился к Маре, чтобы поблагодарить ее за то, что она вовремя предупредила меня.

Я боялся привидений. Боялся Мары, которую подозревал в предательстве. Боялся неизвестного молодого человека с неприятным лицом, который чуть было не напал на мой след. Боялся агентов английской секретной службы, которые искали спрятанные микрофоны.

Предчувствие не предупредило меня, что в этот день я говорил со своим настоящим врагом – женщиной, которая раскусила меня, с женщиной, которая напала на след человека, скрывавшегося под кличкой «Цицерон».

Я боялся привидений и теней. Но не этого следовало бо-

яться. Надо было бояться приятного, нежного голоса нового секретаря Мойзиша.

С тех пор я много думал об этой девушке, думал о ней и ненавидел ее. Я узнал кое-что о ней и однажды даже увидел ее, когда наша дуэль умов еще продолжалась, но многие детали стали мне известны только тогда, когда я решил написать эту книгу. С помощью господина Ногли и двух немецких журналистов я узнал многое о женщине, голос которой впервые услышал по телефону Мойзиша. Ее звали Корнелия Капп.

Корнелия Капп, новый секретарь Мойзиша, красивая двадцатитрехлетняя блондинка, дочь немецкого дипломата, работала на американцев.

«Мне было шесть лет, когда я впервые посетила Соединенные Штаты, – читал я впоследствии ее записки. – Я родилась в Берлине, но никогда, по сути дела, не жила в Германии. Мой отец был консулом в Бомбее до того, как его перевели в Соединенные Штаты. Там он стал генеральным консулом в Кливленде (штат Огайо). В Соединенных Штатах у меня было много друзей. Я жила в Кливленде до тех пор, пока не началась война. Я возвратилась в Германию вместе с отцом в 1941 году».

Ее отец служил в Италии, а затем в Болгарии.

«В Штутгарте я несколько недель училась в школе медицинских сестер. Училась без всякой охоты, но другого выбора у меня не было. Иначе мне пришлось бы работать на фаб-

рике. Благодаря связям отца мне удалось переехать к нему в Италию. В июле 1943 года вместе с родителями я переехала в Софию, где отец получил назначение в немецкое посольство. Я работала секретарем в посольстве. В Анкару я приехала не случайно. Через своих агентов в Анкаре американская секретная служба связалась со мной в Софии в августе 1943 года, и я была втянута в шпионскую работу на американцев. В Анкаре Мойзиш значительно облегчил мне работу. Уже через четыре дня у меня был ключ от его сейфа, и я стала делать копии с его секретных документов. Мои братья – Питер и Тотард – были офицерами в немецкой армии и воевали на русском фронте – это явилось другой причиной того, почему я так легко завоевала доверие Мойзиша. Моя любовь к одному человеку, которого я встретила еще в Кливленде, сыграла важную роль в том, что я охотно согласилась работать на американскую секретную службу. (Я не стану называть имени этого человека.) В Анкаре я встретила его вновь. Он был теперь агентом так называемого „управления стратегических служб США“».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.